

В ПОДДЕРЖКУ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО
ФОНДА

РАССКАЗЫ К НОВОМУ ГОДУ

ЕВГЕНИЙ ЧЕШИРКО

ЖУКА ЖУКОВА

АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН

НАРИНЭ АБГАРЯН

МАША РУПАСОВА

И ДРУГИЕ...

И РОЖДЕСТВУ

Праздник-Праздник

Ольга Лукас

**Рассказы к Новому
году и Рождеству**

«Издательство АСТ»

2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Лукас О.

Рассказы к Новому году и Рождеству / О. Лукас — «Издательство АСТ», 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021 — (Праздник-Праздник)

ISBN 978-5-17-144599-7

Канун Нового года и Рождества – наверное, лучшее время в году. Люди подводят итоги уходящего года, строят планы и загадывают желания на год наступающий, наряжают елки, запасаются подарками и с нетерпением ждут каникул. А еще ждут волшебства и чудес. И чудеса случаются. Кто-то, уже давно отчаявшийся, вдруг находит любовь. Кто-то встречает своего ангела-хранителя или просто хорошего человека, который помогает в трудную минуту. У кого-то исполняются желания, кто-то сам исполняет чужие желания. Обо всех этих разнообразных чудесах и рассказывают истории, собранные в этой книге.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-17-144599-7

© Лукас О., 2016, 2017, 2018, 2019,
2020, 2021
© Издательство АСТ, 2016, 2017, 2018,
2019, 2020, 2021

Содержание

Вместо вступления	6
Жанар Кусаинова	7
История про Новый год	7
Наталья Волнистая	10
О случайностях и закономерностях	10
Александр Цыпкин	13
Чувство долга	13
Prada и правда. Как всегда, трагикомедия о любви с высокодуховным финалом	16
Евгения Полянина	19
Мандарины – не главное	19
Юлия Евграфова	28
Параллельные миры	28
Анастасия Манакова	37
We Three Kings[1]	37
Михаил Шахназаров	54
Дереникс	54
Улья Нова	59
Кто твой ангел?	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сборник

Рассказы к Новому году и Рождеству

© Авторы, текст, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021

© Светлана Соловьева, обложка, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Вместо вступления

Канун Нового года и Рождества – наверное, лучшее время в году. Люди подводят итоги уходящего года, строят планы и загадывают желания на год наступающий, наряжают елку, запасаются подарками и с нетерпением ждут каникул. А еще ждут волшебства и чудес. И чудеса случаются. Кто-то уже давно отчаявшийся вдруг находит любовь. Кто-то встречает своего ангела-хранителя или просто хорошего человека, который помогает в трудную минуту. У кого-то исполняются желания, кто-то сам исполняет чужие желания.

Обо всех этих разнообразных чудесах и рассказывают истории, собранные в этой книге.

Жанар Кусаинова

История про Новый год

Это было очень-очень давно. Я училась на журфаке, я была такая маленькая студенточка: лохматые волосы, драные джинсы, серый свитер, на курсе меня называли Мурзилкой, потому что я печаталась в детских изданиях. Так вот, у меня была несчастная любовь, мальчик с исторического, Алишер. Он играл со мной в известную игру – «Стой там, иди сюда!». То есть люблю – не люблю, не люблю – люблю. Нужна – не нужна, не нужна – нужна.

И так далее.

И вот, после того как он в пятый раз ушел от меня навсегда, он вдруг появился и прислал сообщение на пейджер: «Ты прости меня, я понял, насколько ты мне нужна, я люблю тебя, а давай вместе отпразднуем Новый год?»

И я поверила. А как могла не поверить – меня ведь качало от одного звучания его имени, мне он грезился в каждом силуэте, мелькнувшем вдали.

Итак, я бросила гостей, я поссорилась с друзьями («ты чокнулась, ты себя не уважаешь, ты ненормальная, ну и катись, только потом не приходи, не ной»). Я помчалась к нему – нет, не так, я помчалась к НЕМУ. Я бежала, не разбирая дороги, я забыла шапку и шарф, и снег, ветер нахлестом – в лицо. А я даже не застегнула куртку, я бегу. Такое счастье.

ОН ведь ОПЯТЬ МЕНЯ ЛЮБИТ! И все равно, сколько это продлится. Главное – то, что есть сейчас. И солнце снова горячими капельками разливается в моей крови.

А время на часах уже 10 вечера.

И вот я уже в его подъезде. Я уже в лифте. ЛЕЧУ ВВЕРХ К НЕМУ!!! И вдруг лифт застревает, просто намертво. А уже праздник в самом разгаре, я слышу, как все веселятся.

А на мой пейджер пришло его сообщение: «Можешь не торопиться, я передумал, я от тебя ухожу, ты меня достала. Пошла вон...»

И тут я заревела белугой. Вот ведь черт!

В лифт постучали.

Голос пожилого человека спросил:

– Вы плачете? Вам плохо? Что случилось?

– Лифт застрял, и мне не вырваться, а еще меня бросил самый любимый человек.

– Что ж, бывает. Но все еще образуется, поверьте. А пока пойду попробую позвонить диспетчерам.

– Спасибо.

Через некоторое время. Тот же голос:

– Там никто не берет трубку. Это понятно, ведь Новый год.

– Ничего страшного. Спасибо за помощь.

– Это понятно, но что же делать? Неужели вы так и будете здесь сидеть?

– А куда мне деваться?

– Ну да, ну да. Я сейчас вернусь.

(Он принес стул и тарелки оркестровые.)

– Я всегда мечтал быть музыкантом, играть на рояле, но умею только на тарелках.

Старик играл для меня на тарелках, пел «В лесу родилась елочка».

– Простите, барышня, а вы любите поэзию?

– Да. Например, Маяковского, Олжаса Сулейменова, Блока и Рембо.

– А Вергинского?

– Кто это?

– Вы не знаете? Неужели не слышали никогда?

– Нет.

– Я сейчас.

Через некоторое время у моего лифта зазвучала пластинка. Я впервые услышала Вертинского. И Козловского, и многих других. До утра этот человек был со мной.

Он говорил. Он утешал меня. Рассказывал о своей жизни.

– Мой отец был врагом народа. Моя мама, чтобы спасти меня, быстренько с ним развелась и от него отказалась. Он сам ее заставил это сделать. Сказал, что главное – спасти сына. Мы бежали в Казахстан. Мама правильно все рассчитала, там, где полно репрессированных, вряд ли будут искать. А уже началась война.

Я отстал от нее на вокзале в Алма-Ате. Искать не решился. Помнил папины слова. Главное – выжить, прятаться, но выжить. Найдемся потом, когда все это кончится.

Меня забрали в милицию. Там сидела какая-то пожилая женщина-казашка, она хорошо говорила на русском, очень стеснялась меня допрашивать, но больше некому, все мужчины ушли на фронт. Она сказала, что она пианистка, когда-то училась в консерватории, кажется, в Москве. Но теперь такое время, не до музыки.

У нее был огромный флюс, болел зуб. На щеке старенький платок повязан. Она очень смущалась. Робко совала мне сухари, просила, чтобы поел. Там было много детей. Кто-то из них просто потерялся, ревел, а подростки бежали на фронт. Их ловили, а они снова бежали.

Я назвал чужую фамилию, чужое имя. Она оформила на меня какие-то бумажки, и я оказался в детском доме. А потом я сбежал и оттуда. Познакомился с Кречетом. Был такой знаменитый вор-карманник. Просто виртуоз. Он меня учил, что публику надо уважать.

– Уважать?

– Конечно! Теперь-то, нынешние, – этого не умеют. Рвут-режут почем зря куртки и сумки, вырывают из рук, портят вещи. А Кречет учил, что если вынул кошелек, то закрой за собой сумочку. Нашел документы, подбрось в почтовый ящик. Не воруй у инвалидов, детей, беременных, стариков, у нищих. У него была целая школа.

– Да он просто Робин Гуд.

– Напрасно иронизируете, милая девушка, он был профессионал. Мастер!

– Простите меня.

– Ничего-ничего. Просто теперь не очень-то принято уважать мастеров. Менеджеров много – мастеров нет.

– А как вас зовут?

– Александр.

– А как называла вас мама?

– Аристарх. Но меня давно никто так не называл.

– А можно мне?

– Да.

Мы с Аристархом слушали музыку, разговаривали. Это было очень здорово.

А потом, когда пробило двенадцать, он принес какую-то швабру, чуть-чуть раздвинул двери лифта и в образовавшуюся щель просунул мне соломинку, чтобы я через нее выпила шампанское. Я глянула на моего спасителя.

Это был пожилой человек. Нарядно одетый, черный пиджак, сорочка, шляпа и галстук. Все с иголочки.

– Ух ты! Вы так здорово выглядите!

– Спасибо. Все-таки я ведь к девушке иду!

– Но ведь это не свидание!

– Ну и что! Кречет учил: «Уважайте публику!» Я иду к девушке, я ее уважаю, значит, и выглядеть должен соответственно.

– Спасибо.

– Да не за что.

– Я у вас столько времени отняла.

– Ну, во-первых, я потратил его с удовольствием, а во-вторых, если бы мне было с кем еще его тратить... Не с кем. Я один остался в Новый год. Так бывает.

Аристарху все-таки удалось вытащить меня из плена. Все-таки воровской опыт не прошел даром.

– А вы всю жизнь были вором?

– Нет. Только в юности. А так я часовщик. И антиквар. Больше всего я люблю часы. Мне нравится, что тиканье в часах похоже на то, как стучит сердце у человека. Тик-так, тик-так. Если разрешите, я хотел бы пригласить вас к себе. Не бойтесь, мы просто выпьем чаю, в подъезде холодно, я бы не хотел, чтобы вы простудились.

И мы пошли к нему.

Это была чудесная квартира. Множество картин, удивительных часов, патефонов и музыкальных шкатулок, древних фотоаппаратов, книг и разного рода редкостей. Это был просто праздник.

Я услышала миллион чудесных историй про войну и любовь, про раненых солдат, про Кречета и других знаменитых воров, про послевоенную Алма-Ату и другое.

Мы пили чай из старинных фарфоровых китайских чашечек. Аристарх показал мне настоящую чайную церемонию, которой его научили китайцы, бежавшие от культурной революции...

Он разрешил мне померить одежду 20, 30, 40-х годов, шляпки и платья, туфельки. Все эти сокровища из его невероятной коллекции!

Я стояла за ширмой, сделанной из самого настоящего шелка, расписанного вручную. Я чувствовала себя самой красивой на земле. Лучше чем Мэрилин Монро точно!

Это все было настолько сказочно, что я до сих пор улыбаюсь, когда вспоминаю ту ночь и то утро.

А тем временем мне на пейджер опять пришло сообщение: «Какой я был дурак. Приезжай ко мне срочно, давай опять будем вместе».

Но я никуда не поехала, мы с Аристархом взяли молоток и разбили мой прекрасный пейджер на куски. И это было счастье.

А потом мы немного дружили с Аристархом. И это было самое лучшее время в моей студенческой жизни.

Но однажды, приехав к нему опять, я увидела, что его волшебной старинной двери с огромным замком нет. А на ее месте какое-то металлическое плоское уродство. Позвонила. Через дверь мне ответил женский голос, что такой-то здесь больше не живет. Кто я? Я его внучка! Я его наследница! А ты кто?

И действительно, кто я? Я засмузилась и сказала, что я никто.

И убежала.

Больше я никогда не видела этого человека. Но часто про него вспоминаю.

Спасибо вам за все, Аристарх!

Вы были чудесный!

Наталья Волнистая

О случайностях и закономерностях

Для новогоднего корпоратива подготовили капустник на производственную тему, генеральный изображал бобра-строителя, финдиректор – запасливую белочку, юристу Ивановой достался лесник как олицетворение всех и всяческих надзоров.

Ужасно глупо, но после трех рюмок очень смешно и бешеный успех.

Вся в аплодисментах и комплиментах, Иванова побежала переодеться, в темном коридоре ошиблась дверью и влетела к экономистам, где и обнаружила Сидорова in flagrante с фифой из планового отдела.

Сидоров промямлил что-то неразборчивое, а фифа глянула на Иванову победительно.

Еще и хихикнула, мерзавка.

Иванова развернулась и ушла как была – в ватнике и с накладными усами.

Таксист нервно оглядывался и бубнил под нос про то, что извращенцев развелось – плюнуть некуда, брезгливо отсчитал сдачу и даже от чаевых отказался.

На следующий день Сидоров подошел как ни в чем не бывало, сказал, Ксения, я все объясню.

И объяснил.

И добавил, ну что, Новый год на даче? почему?! я же объяснил! знаешь, Ксения, тяжело разговаривать с человеком, который тебе не верит! в смысле мне не верит! не ожидал!

И оскорбленно удалился в сторону планового отдела.

* * *

Днем тридцать первого позвонила взволнованная мама. Ксюша, Петровне в магазине сказали, в вашем районе завелся маньяк! подкарауливает женщин! грабит! раз маньяк, то не только грабит! Петровна приметы записала, слушай: куртка темная, высокий! папа говорит, пусть твой Вадим собаку выгуляет, сама не ходи!

Мама, сказала Иванова, моего Вадима уже нет.

И слава богу, выпалила мама, не одобрявшая Сидорова.

Помолчала и добавила, вот увидишь, Ксюша, оно и к лучшему, погоди, а Новый год ты с кем встречать будешь? с подругой, с Верочкой, что ли? может, к нам приедешь? папа бы и с собакой погулял, Ксюша, не переживай, таких Сидоровых в базарный день пучок на пятак, что из-за них расстраиваться.

* * *

Не на что пенять – каков базар, таков и выбор.

Но полтора года в песок.

За полтора года и к хомяку привяжешься, а тут человек.

Хотя и Сидоров.

* * *

К подруге Верочке Иванова не поехала, наплела что-то про простуду, мол, боится заразить Верочкиных близняшек.

Вечером Тирион принес в зубах поводок, ткнулся мордой, пора, пора.

Иванова постояла в прихожей перед зеркалом, нашла седой волос в челке и подумала, что мир разделен очень неровно.

С одной стороны – счастье, а с другой – она сама, ее тридцать лет и старость не за горами, сплошь сидоровы да мокрый снег с дождем вперемежку.

Хотелось заплакать, но не заплакалось.

В куртке заклинило молнию, дубленку по такой погоде жаль, и Иванова надела не убранный в кладовку папин офицерский ватник.

Выглянула в окно, горел только дальний фонарь. Она еще подумала и решительно приклеила усы.

Обломись, маньяк.

Хорошо, в подъезде никто не встретился.

* * *

Шли мимо школьного стадиона, как вдруг перед ними из ниоткуда выросла высокая тень и хрипло спросила, мужик, закурить есть?

Иванова и не подозревала, сколько мыслей может пронестись в одно краткое мгновение.

Но, пока мозг переваривал пронесшееся, подсознание сработало и устами Ивановой выкрикнуло, взять его! Тирион, фас! куси! фас!

Тирион взлаял и радостно заскакал вокруг тени, пытаясь на данный момент лизнуть ее хоть куда, а в перспективе подружиться.

Мужик, ты что, рехнулся? тихо, пес, тихо, хороший песик, это хозяин у тебя ненормальный, сказала тень, посветила телефоном и заржала, а отсмеявшись, сказала, девушка, у вас ус отклеился! никак примеряетесь к смене пола? тренируетесь?

Сознание вопило – дура! дура! а бодрое подсознание выпалило, это от маньяков!

Сильный ход, сказала тень, жаль, я не маньяк, опробовали бы метод, вот что, давайте-ка я вас провожу, пока вы кого-нибудь до смерти не напугали, все равно в магазин, сигареты кончились, кстати, почему Тирион?

Иванова сказала, на улице за мной увязался, хромой, безобразный, думала, не вырастет, а он вымахал в громадину, добрый, но бестолковый.

Да, сказал несостоявшийся маньяк, следовало бы назвать Ходором, усы снимите, мало ли что люди подумают.

* * *

В квартире горел свет.

Ксюша, сказала мама, почему не предупредила, что простудилась, что дома останешься? мы от Верочки узнали, а Петровна недослышала, напутала, и не у вас, и не маньяк, мы с папой тебе не дозвонились, я так перенервничала, а вдруг, мало ли что, решили сами посмотреть, убедиться, Ксюша, что за солдафонский вид?

Тетеря глухая твоя Петровна, курица заполошная, меньше бы ты ее слушала, сказал папа, а вы кто такой?

Кажется, я судьба вашей дочери, увидел ее с усами и сразу понял – судьба, сказал маньяк, так бывает, я читал.

Бывает, сказал папа и чмокнул маму в лоб, по себе знаю – бывает, да, Маруся? стоп, про усы не понял, что за усы?

Ой, да ладно тебе глупости говорить, иди лучше лапы собаке вымой, Ксюша, немедленноними этот ужас, смотреть страшно, сказала мама, а мы, как чувствовали, на всякий случай шампанское привезли, и рыбку, и курицу, и оливье, что за Новый год без оливье, и пирог с брусникой, только с одного бока подгорел чуток, недоглядела, переживала, все из рук валилось, ну что вы застыли, полчаса до курантов осталось, поторапливайтесь!

Александр Цыпкин

Чувство долга

Было мне одиннадцать лет, все шло хорошо, из денег я предпочитал красные десятки, хотя давали мне в школу максимум желтоватые рубли. Тем не менее копейки все равно за людей мною не воспринимались, но лишь до тех пор, пока я не получил в подарок копилку. Опустив в классического борова первую монету, я сразу же лишился рассудка. Откуда-то взялась патологическая жадность и развился слух. Тратить деньги я перестал в принципе, а звон выпавшего из кармана чужого медяка начал слышать за несколько километров. Мне до дрожи в пятках хотелось поскорее наполнить свиноподобный сундучок и посчитать сокровища. Я даже начал взвешивать копилку на безмене, чем немало озадачил родителей, которые не понимали, как можно перевести силу тяжести в суммы. Незадолго до окончательного заполнения фарфоровый сейф переехал ко мне в кровать. Я засыпал и просыпался с ним в обнимку, так как боялся, что чудовища, вроде бы переставшие жить под моей кроватью уже пару лет как, вернутся и украдут накопленное.

Приближался Новый год. Я ожидал различных зимних подарков и собирался либо купить коньки к подаренной клюшке, либо наоборот. Чуть ли не второго января я торжественно расколотил ларец, растекся между монетами, облобызал каждую, посчитал несколько раз, разложил по номиналу и увидел нирвану всеми доступными на тот момент глазами. Ненадолго вернувшись в реальный мир, я задумался, как же это все поменять на бумажные деньги. Пришлось обратиться к бабушке, которая умилилась малолетнему скряге и согласилась помочь. На следующий вечер она сообщила, что обмен произошел, но попросила эти деньги на пару дней в долг. Я был горд – профинансировать практически главу семьи, это ли не верх могущества? Проценты брать не стал. Еще через день бабушка попала в больницу, о чем я узнал из случайно услышанного разговора родителей.

Я, как мне кажется, не самый плохой человек и точно был хорошим ребенком. Меня близкие любили, и я их любил, заботился о них, рисовал открытки, читал с табуретки стихи, писал про семью в стенгазете, гордился, ценил, но в тот момент, когда я услышал о бабушкином несчастье, темная сила затоптала все ростки добродетели на поверхности моей души.

«А что будет с моими деньгами, если...» Я возненавидел эту мысль, как только она появилась, и загнал ее в самый дальний угол моей головы, но и оттуда она сверкала пурпурно-фиолетовым. Нет, я, конечно, переживал, даже плакал, но мысль-то проскочила. Мне стало очень стыдно, мерзко и противно из-за ее рождения. Ох уж эти метания порядочного человека, которые на корню убивают возможность спокойного совершения непорядочных поступков!

На мое и общее счастье, скоро выяснилось, что жизни бабушки ничего не угрожает, и я вновь начал ощущать себя достойным сыном своих родителей, пока опять же не подслушал разговор о потенциальных проблемах с бабушкиной памятью после случившегося.

Пока речь шла о жизни и смерти, свет во мне, разумеется, побеждал тьму, и я, конечно, не думал о деньгах, если не считать самого первого мгновения. Но вот теперь дьявол занялся мною всерьез, и он был в мелочах, точнее, в мелочи.

Я живо представил себе, как здоровая и невредимая бабушка возвращается домой, все счастливы, она все помнит, кроме своего долга. Воспаленное воображение нарисовало мне именно такую картину частичной потери памяти. «Лучше она бы что-то другое забыла, например про тройки в четверти или про разбитую вазу, но ведь не вспомнит именно про деньги, уж я-то чувствую». Пару дней я провел, детально изучая амнезию по имевшейся в доме медицин-

ской литературе. Обретенные таким образом знания меня не порадовали. Настроение ухудшилось до предела.

Ждать исхода не представлялось возможным, и я напросился на визит в больницу. Разумеется, признаваться в своих страхах у меня в планах не было, но как-то прояснить ситуацию с бабушкиной памятью хотелось.

По дороге я провел разведку.

– Папа, а что, бабушка может про меня совсем забыть? – полным трагического сочувствия голосом поинтересовался я у хорошего врача.

– А что ты натворил? – без тени сомнения в причинах моей сентиментальности отреагировал хороший отец, знавший, с кем имеет дело.

– Я ничего, просто так спросил. – Изобразить научный интерес мне, очевидно, не удалось.

– Ты не волнуйся, я, если что, про тебя напому.

После этих слов я замолчал до самой палаты.

– Ну вот вы зачем ребенка в больницу притащили? – Бабушка была достаточно бодра.

– Сам вызвался, – порадовал папа.

– Спасибо, Сашуль, мне очень приятно, как дела?

А вот мне не было очень приятно. Вновь на меня напали стыд и самобичевание.

«Спроси, спроси ее про дни перед больницей», – шептал в ухо внутренний демон, державший в руках коньки, на которые я собирал деньги.

– Хорошо, – выдал я из себя.

– Очень твоей памятью интересовался, – огрел дубиной меня и демона смеющийся отец. Я мгновенно вспыхнул.

– Моей памятью? – удивилась бабушка.

Я ненавидел себя, весь мир, деньги, коньки, копилки и особенно папу.

– Ага, вероятно, рассчитывает, что ты о чем-нибудь забудешь, уж слишком тревожный голос у него был, когда спрашивал. – Отец упивался моментом, не подозревая, что его предположение диаметрально противоположно истине.

– Слушай, а может, у меня и правда с памятью проблемы? Саня, напомни, что я должна забыть? Я не буду ругать, просто я и правда грехов за тобой не помню последнее время.

Если бы я тогда знал, что такое сюрреализм, то точно бы охарактеризовал ситуацию этим словом.

– Ты ничего не должна забыть! Я правда просто так спросил, когда услышал про болезнь! Я же все изучаю! – Я уже почти рыдал, но это была правда, я практически жил внутри Большой советской энциклопедии, если вдруг узнавал о чем-то новом.

– Да ладно, успокойся ты, ну забыла – значит, забыла, считай, что тебе повезло, – с улыбкой на лице попыталась успокоить меня бабушка.

На этой фразе даже демон внутри меня начал смеяться. Я же просто был готов взорваться на месте. «Повезло?!»

– Я пошел в туалет, – прикрывая свой отход, произнес я дрожащим голосом, полным обиды и разочарования.

«Деньги – зло. Я тону во вранье. Я больше никогда, никогда...» – и далее целый список, заканчивающийся клятвой не давать в долг более, чем готов потерять. Вот такие мысли крутились в моей голове всю дорогу из больницы домой.

Вечером папа сдал мне мелочь, как это периодически происходило весь последний месяц, и спросил:

– Когда копилку-то разбиваешь?

Мне стало совсем нехорошо. В списке «никогда более» ложь находилась на первом месте, а рассказать отцу о судьбе накоплений в нынешних обстоятельствах означало бы катастрофу. Редко когда так ясно осознаешь полную безвыходность своего положения.

Похолодевшими губами я пролепетал:

– Я ее уже разбил, так что мелочь больше не нужна, спасибо.

– О как, и сколько насобирал? – не отвлекаясь от книжки, поинтересовался отец.

Его равнодушие так диссонировало с бурей, бушевавшей внутри меня, что мне казалось, этот контраст осязаем и виден невооруженным взглядом, как парашют Штирлица в известном анекдоте.

– Двенадцать рублей. – Обреченность чувствовалась в каждом слове.

– Куда дел?

Я как раз в тот момент читал «Колодец и маятник» Эдгара По. В рассказе инквизиция создала комнату, стены которой сжимаются, загоняя жертву в бездонный колодец.

– В долг дал, – выполз ответ.

«Господи, если он не спросит „кому“, я обещаю тебе... ну, в общем, все обещаю, что хочешь!!!»

– Кому? – Папа отвлекся от книги и посмотрел на меня с неподдельным любопытством. Бога нет. Ох. Я опустил глаза, обмяк, усох и начал сознаваться:

– Баб...

И вдруг зазвонил телефон. Я рванул к нему, как раб с плантации:

– Але!

– Саня, это бабушка, папа дома? И, кстати, не забудь у меня свои двенадцать рублей забрать, когда в следующий раз придешь.

– Да мне не горит. – От моих щек в тот момент можно было прикуривать. – Пап, тебя.

За время папиного разговора я стремительно почистил зубы, разделся, лег спать и, понимая, что не засну, стал учиться изображать спящего. Папа так и не заглянул. Я вошел в роль и вырубился.

Эпилог

Через два дня я заехал к бабушке, забрал деньги, положил их в варезку, которую немедленно оставил в трамвае. Я не удивился и не расстроился. В графе «Уроки» стояло «Оплачено».

А рассказ этот о бабушкином великодушии и такте. Именно эти качества, к сожалению, все реже и реже встречаются в людях.

Prada и правда. Как всегда, трагикомедия о любви с высокодуховным финалом

Обсуждали тут с коллегами CRM. Кто не в курсе, это такая система работы с клиентом, когда ты знаешь о нем все, а информацию собираешь покруче товарищей с Лубянки. Вспомнил чудесную историю времен моего доблестного безделья у Dennis Beloff. Год две тысячи четвертый. Мы продавали одежду. Дорогую. Я гордо значился бренд-директором всей группы компаний и кроме всего прочего отвечал за выращивание и полив клиентов.

Однажды в какой-то из бутиков пришел потенциальный плодоносящий кактус. Мне сообщили о подозреваемом в наличии денег субъекте, я провалился из офиса в зал и начал товарища обхаживать. Тот без удивления рассматривал костюмы по пять тысяч долларов, чем подтверждал результаты первичного диагноза, поставленного продавцом.

В общем, он кое-что выбрал, я с ним разговорился, кактус был уже почти в горшке, и я предложил ему заполнить карточку клиента, чтобы получать от нас скидки, бонусы и поздравления с удачно сданными анализами, так как о них мы будем знать все.

Иван Иванович Шнеерсон (звали его не так, но ключевую интригу ФИО я сохранил, имя и отчество – русские, дублирующиеся, фамилия – богоизбранная) при словах «карточка клиента» изменился в лице, как будто я – следователь и предложил ему заполнить явку с повинной. Через пару месяцев, беседуя с Иван Ивановичем после его очередной покупки, я узнал причину этой метаморфозы.

Наш герой был добротным еврейским мужем. Два экзистенциальных «никогда» бесконечно бунтовали в его голове, но победить их не представлялось возможным. Он бы никогда не бросил жену и никогда бы не смог оставаться окончательно верным. Отсюда переживания, расстройства желудка и провалы в таймменеджменте. Более того, г-н Шнеерсон входил в тот мужской возраст, когда временных подруг ночей суровых уже бессовестно удерживать только на голом энтузиазме. Ему было за пятьдесят.

Подозрения, что он не Аллен Делон и тем более не Рон Джереми, посещали его все чаще, и ощущение несправедливости по отношению к своим любовницам он пытался сгладить подарками, но вел в голове невидимый баланс всех этих пожертвований, чтобы все более-менее поровну, а главное, чтобы общая сумма поступков и реальных денег хоть как-то соотносилась с его оцифрованной любовью к жене. Интеллигенция.

Баланс видел только сам г-н Шнеерсон и его совесть. Остальные участники данного невидимого документа убили бы его автора, узнай что они попали в такой неоднозначный список.

Проведя очередную сверку, Иван Иванович повез г-жу Шнеерсон в Милан. Причем не как обычно на распродажи, а прямо-таки в сезон. Ноябрьский Петербург уже грязно белел, а в Милане было тепло, красиво и дорого.

Ольга Сергеевна с пониманием относилась к особенностям, следующим из фамилии Шнеерсон, а проявление щедрости так вообще воспринимала как неожиданный луч солнца в том же самом ноябре.

И вот зашла наша семейная пара в дорогой бутик. Ольга Сергеевна налегке и Иван Иванович на изрядном «тяжелеке». Его давили бесконечные пакеты и страх окончательной суммы.

– Я сумку, и все, – сказала Ольга Сергеевна.

Сумку выбрали быстро. Иван Иванович протянул карту и паспорт для оформления tax free. (Война войной, а обед по расписанию.)

Русскоязычный продавец покопался в компьютере и отрубил г-ну Шнеерсону голову:

– Ну как вам покупки, которые вы сделали в сентябре, все понравилось?

Голова Иван Ивановича покатила из магазина, но на ее месте, к несчастью, выросла новая, и прямо в нее смотрели красные бесчувственные окуляры Терминатора Т-800 по имени Ольга Сергеевна.

– А я не знала, что в сентябре ты был в Милане.

Иван Иванович проглотил уют, пакеты стали в десять раз тяжелее, мозг отчаянно пытался найти выход. Выход был найден в молчании, прерванном вопросом Т-800 продавцу:

– Вы ничего не путаете?

Г-н Шнеерсон читал про йогов, передачу мыслей и вообще смотрел «Матрицу», как там граф Калиостро ложки гнул. Он собрал все свои извилины в копье и метнул его в мозг продавцу. Оно со свистом пролетело в пустой голове исполнительного товарища, который сдал Иван Ивановича со всеми органами:

– Нет-нет, у нас же система – вот, был шестнадцатого сентября, купил две женские сумки.

Уют в животе заботливого любовника начал медленно, но верно нагреваться.

– Какая прелесть, если я не ошибаюсь, в сентябре ты летал с партнерами в Осло на какую-то встречу.

Изнутри г-на Шнеерсона запахло жареным. Как, впрочем, и снаружи.

– Хотел сделать тебе сюрприз и заехал, пока были распродажи, чтобы купить подарки на Новый год тебе и Сереже (сын), ну и стыдно стало, что экономлю, не стал тебе говорить.

Смотреть на Ивана Ивановича было очень больно. Он из последних сил играл человека, стыдящегося своей жадности. В сентябре он и правда был в Милане, и правда из жадности. Одна из его пассий была выгуляна по бутикам, так как в балансе г-на Шнеерсона на ее имени значился zero.

– Ванечка, а зачем Сереже на Новый год женская сумка?

Остывающий уют вновь раскалился.

«И правда старею», – подумал про себя гений махинаций.

– Я его Оле купил, – (девушка сына).

– И где они сейчас, эти щедрые подарки?

– В офисе, и кстати, это, конечно, только часть из подарков, так, безделушки.

Счет Иван Ивановича был большой, но очень чувствительный. Как и сердце. Оба в этот момент расчувствовались.

– Ванечка, Новый год в этом году для тебе настанет сразу, как мы вернемся. Чего ждать! Молодой человек, а покажите, пожалуйста, какие сумки купил мой муж.

– Одной уже нет, а вторая вот, – пустоголовый продавец продолжал сотрудничать с полицией и указал на какой-то зеленоватый кошмар.

– А это кому, мне или Оле? – спросил Терминатор, внимательно изучая болотного цвета изделие.

Сумка была не только бездарна, но, как говорят, чуть менее чем самая дешевая в данном магазине. Именно сумки Иван Иванович купил тогда сам, как бы сюрпризом, пока его временное развлечение грабило Габану.

– Оле, – прожевал Иван Иванович.

– Хорошего же ты мнения о ее вкусе! Интересно, что ты мне купил. Спасибо, пойдем.

Из Милана семейная пара должна была поехать во Флоренцию и потом домой в Петербург. Ивану Ивановичу вживили чип и посадили на цепь сразу при выходе из бутика.

Он вырвался только в туалет, позвонил помощнице и сказал срочно позвонить в бутик, визитку он взял, найти идиота-продавца, отложить чертову зеленую сумку, прилететь в Милан, купить ее и еще одну на ее выбор, но подороже, снять все бирки и чеки, срочно вернуться и положить все это ему в шкаф в офисе.

Ошалевшая помощница видела и слышала всякое, но такое несоответствие мышиного писка своего шефа и сути вопроса понять не могла. Тем не менее утром следующего дня рванула в Милан и исполнила все указания.

В Новый год Иван Иванович вручил своей жене темно-синюю сумку, внутри которой лежали серьги с сапфирами. Большими, незапланированными сапфирами. Также он передал Сереже сумку для Оли и конверт самому сыну. Ольга Сергеевна еще раз посмотрела на безвкусный подарок и скептически покачала головой.

Вечером Т-800 примерил серьги.

– Дорого?

– Ну да... – взгрустнул Иван Иванович. Исключительная порядочность в своей беспорядочности обошлась нашему герою в сумму убийственную для рядового российского Ивана Ивановича и ментально неприемлемую для абсолютно любого Шнеерсона.

– За все, Ванечка, нужно платить, особенно за доброе сердце... пороки и слабости.

Утюг начал оживать, слюна застряла в горле, так как Иван Иванович боялся сглотнуть слишком громко.

– Не бывает двух зеленых сумок с одинаковыми царапинами, не бывает, – сказала с доброй улыбкой умная женщина.

Евгения Полянина

Мандарины – не главное

В квартире пахло лаком от Сережиных моделей, мамиными лекарствами, капустой из бабушкиной сковородки и мясным кормом Сэрки. А от Алисы ничем не пахло.

Она сидела на полу перед распахнутой дверью морозилки. Давно стемнело, и небо заволокли тучи, только луна выглядывала полосками. В таком свете кухня из мятно-бежевой становилась синей, как будто давным-давно утонула, и Алиса сидит где-то под водой и где-то под водой ковыряет стенки.

Она даже высунула язык от стараний. Но зацепить намерзший лед никак не удавалось. На пол сыпалась и тут же таяла белая крошка. Голые Алисины ноги намокли и замерзли, но она упрямо продолжала ковырять.

Наконец ей удалось пихнуть вилку под слой намерзшего льда. Алиса протолкнула ее дальше и начала давить на ручку. Так напряглась, что не заметила, как запыхтела. Поднажать бы... еще совсем немножко...

Есть!

Лед хрустнул, и здоровенный кусок плюхнулся на пол. Брызнуло на лицо и шею. Алиса схватила лед в правую руку, левой подхватила терку и рванула в коридор. Едва остановилась у зала и дальше заскользила на цыпочках, чтобы не разбудить маму. Алиса была такой маленькой, что ее почти никогда не замечали. Только Сэрка поднял голову, мяукнул что-то невразумительное и снова сложился в идеальный круг.

Алиса, едва дыша, опустила ручку, юркнула на балкон и, прижавшись к стеклу затылком, выдохнула: фух, не разбудила. Сразу же запахло влагой, ногам стало еще холоднее, а правую ладонь жгло.

Алиса подтащила табуретку, вскарабкалась на нее, открыла балконное окно и, высунув на улицу руки, начала натирать лед. Вниз посыпалась белоснежная крошка. А Алиса все терла и терла, пока в руке не остался совсем крошечный комочек, и она не испугалась, что порежет пальцы.

Она поставила терку на подоконник, вцепилась руками в раму и перекинулась так, что почти согнулась пополам. Вниз летел снег! Алиса смотрела и смотрела, пока снежинки не утонули в серо-черном колодце двора. А потом услышала, что под балконной дверью тихонечко поскуливает Сэрка.

– Тише! – шикнула она, вернувшись в зал. – Пошли есть.

Слово «есть» Сэрка знал так же хорошо, как и свое имя, он благодарно потерся об Алисины ноги и побежал на кухню. Алиса бросила тоскливый взгляд в окно, выдохнула и отправилась следом. Новый год уже завтра, а у них ни снега, ни елки, ни красной икры.

Она положила Сэрке корм, бросила на пол тряпку, слегка поелозила ею по луже – высохнет как-нибудь – и отправилась спать. Морозилка посвистывала, но Алиса ничего не слышала. Она так устала, что едва добралась до кровати, плюхнулась туда и укрылась уголком одеяла.

* * *

– Ну молодец!

Алиса открыла глаза. Над ней, уперев руки, стоял Сережа. На фоне окна он казался почти черным. В полшага подскочил к ее кровати и потянул одеяло.

«Ну нет!» – подумала Алиса, в Новый год ее еще не будили! Все отлично знают – в Новый год нужно как следует выспаться! Она схватила одеяло руками, обхватила ногами и потянула на себя.

После секунд борьбы Сережка проиграл – его руки соскользнули, и он рухнул, ударившись о стол. Стол затрясся, сохнувшая на нем модель самолета подскочила к самому краю и застыла, свесившись носом.

– Вот дура! – подскочил Сережа. Он бережно поправил модельку и злобно уставился на сестру: – Все ломаешь! Или чуть не сломала! Голову мне чуть не сломала...

– Так чуть же, – уперлась Алиса.

– А холодильник сломала! Без всяких «чуть»!

Как сломала? Алиса и думать забыла про сон, подскочила с кровати и побежала на кухню. Только краем глаза успела заметить, что мама не на диване. В последнее время мама вставала, только когда случалось что-то страшное!

«Что же я наделала, мамочки?» – Алиса ухватила за косяк, чтобы завернуть в коридор, едва не поскользнулась на линолеуме, удержалась, добежала до кухни и так и замерла у порога.

Перед морозилкой, пыхтя и вздыхая, согнулась бабушка, она медленно собирала воду тряпкой. Низ ее юбки был насквозь мокрый и стал из нежно-голубого темно-синим. Мама стояла рядом, правой рукой держалась за стиральную машину, а левой перебирала продукты. Она с тоской посмотрела на банку замороженных ягод, на капающее из пакета мороженое, достала заляпанную мороженым упаковку и промыла ее в раковине.

– Ну что ж, на завтрак будем есть пельмени.

Пахло чем-то незнакомым и гадким. Алиса смотрела на не замечавших ее маму и бабушку, хотела помочь, но так испугалась, что не могла пошевелиться. Она очнулась, только когда Сэрка ткнул в ноги мохнатую голову.

– Мяу, – требовательно сказал он. Он никогда не пропускал слово «есть» мимо ушей.

* * *

Алиса ковырялась в пельменях, а они – корявые и измазанные майонезом – как будто тарасились на нее и косили глазами-морщинами на холодильник: молодец, Алиса, умница.

– Хо-о-оспади, ну что за ребенок, – фыркала бабушка, – мать болеет, а она...

Дурацкие пельмени! Алиса со всей силы ударила вилок. Сережке хорошо – Сережку все любят с его дурацкими моделями дурацких самолетов. Он для взрослых как ангелок – встанет, ручки за спину, в щечках – ямочки – все за них так и тянут, и волосы одуванчиком. Вот бы они скорее стали белыми, тогда Алиса их сдует, и Сережка останется лысым.

А она другая – длинная, тощая, темная, с вечно пыльными ногами и растрепанными волосами. «Обезьяна», – говорит бабушка. Алиса сначала смеялась, а теперь начала обижаться. Что-то ей в этом слове не нравилось. Особенно с тех пор, как она выучила другое, похожее – «изъян».

Только Алиса знала, какой Сережа вредный и неправильный. Вечно ползает за ней змеей и подзуживает, а потом: Алиска то сделала, Алиска это...

Вот и сегодня, пока бабушка и мама разбирались с морем проблем – а воды и правда было много, Сережка выдумал учить младшую сестру.

– Слу-шать, – командовал он, заложив за спину руки и прохаживаясь по коридору, пока Сэрка отчаянно пытался ухватить его за ноги, – вот холодильник. Холодильник – эт-что? Это техника. Техника – эт-что? Это не для девчонок. А ты у нас кто? Кто? – уставился он на Алиску.

– Девочка, – промямлила она, опустив глаза.

– Верно! К тому же девочка дошкольного возраста. Эт значит что? Что тебе с техникой играть нельзя. Видишь, что с морозилкой сделала?

– Хо-о-спади, ну что за дети, – фыркнула бабушка, разгибаясь. С этого она начала и повторяла до сих пор – прерывалась, только чтобы перевести дыхание.

* * *

Ну его, этого Сережку. Ну его, этот холодильник. И пельмени – ну. У Алиски были дела поважнее – тридцать первое! Даже звучит сочно: как округлившиеся пакеты с продуктами, как набухшие мандарины, с которых капает сок, и его потом можно слизывать с пальцев. И как кругляши красной икры, толстым слоем намазанные на бутерброды. Звучит сочно, а в холодильнике ничего нет.

Алиса бросила вилку. Та ударилась о тарелку, отозвалась глухим стуком, и все повернулись. Заметили все-таки. Сережа уставился из-под нахмуренных бровей. Губы поджал, нос растянул и фыркнул. А Алиса точно-точно поняла, что он имеет в виду: дура.

– Что за ребенок, хоспади, – всплеснула руками бабушка.

Алиска подскочила и бросилась с кухни: глаза мокрые, губы дрожат. Глупые! Какие же они все глупые! Тридцать первое. Тридцать первое! А они набросились из-за дурацкой морозилки.

Ну она им еще покажет.

Алиса с разбегу грохнулась перед кроватью на колени, нагнулась так, что торчала только попа, голову сунула за свисавшее одеяло – где в этой горе мусора нужно? Наконец заметила, повернулась, скрючила ступню, чтобы получилась клюшкой, ногу сунула под кровать: ловись, рыбка.

Первый раз ничего не зацепила, второй – хватанула слишком много. Вытащила разом и забытые Сэркины игрушки, и скатавшийся в перекасти-поле ком пыли, и обломки Сережкиной модели Су – никогда не забудет, как он на нее кричал после великой ноябрьской авиакатастрофы: самолет пал жертвой огромной летающей головы пупса.

Но самое главное тоже вытащила – пухлую розовую свинью из любимого мультика, с нарисованными щеками и пятном на левом глазу. В спине у свиньи была щелка, а внизу дыра, закрытая резинкой. Алиса затаила дыхание: неужели и правда придется открывать? Она ведь так долго копила! Уже четыре месяца бережно складывала каждую сэкономленную монетку, а бумажки сворачивала в четыре раза, чтобы пролезли. Она ведь себе на свадьбу откладывала! А тут беда.

И быстрее, пока не передумала, схватила за резинку и подцепила ее короткими ногтями. На пол посыпались монетки. Три бумажки – одна в пятьдесят рублей и две по десять – застряли внутри. Пришлось доставать руками. А кроме них было совсем мало: десять кругленьких десяток, две пятерки, остальное – рубли и двушки.

Ну ничего. И этого хватит, если подойти к делу с умом. Нужно-то всего ничего – елку и красную икру. Мандарины, салаты и холодец, конечно, здорово. Но на них двухсот пятидесяти шести рублей не хватит.

* * *

Зимой Алиса носила резиновые сапоги. Они были желтыми, с блямбами розовых цветов, но от них все равно было грустно. Грустно от темно-серого неба, нависшего над Питером, от луж, от стойкого запаха влаги. Алиса обходила лужи, вяло пинала носками, но даже это не приносило радости. Лужи должны быть осенью и весной, а зимой снег – что тут непонятного?

Рядом с домом, на перекрестке за низкой оградой стоял продавец. Его окружали мохнатые елки, приваленные к ограде и друг к другу, перетянутые некрасивой серой веревкой. Алиса каждый день проходила мимо и думала: скоро вас заберут, нарядят, будете краси-и-ивые. А

сегодня даже елки выглядели грустными – повесили лапы. Наверное, уже понимали, что не всех заберут, и единственным украшением многих так и останется эта скучная серая веревка.

Алиса опустила руку в карман, выдохнула и побрела к продавцу, старательно огибая лужи:

– Простите, а сколько стоит?

Продавец глянул из-под козырька. Он выглядел нелепым в огромной куртке до колен, наползшей рукавами до кончиков пальцев, из которых едва поблескивал огонек сигареты.

– Девятьсот.

Алиса потрясла мелочь в кармане.

– А есть со скидками?

– Нет, – равнодушно отозвался продавец, – скидки будут после шести. Пятьдесят процентов.

Алиса поджала губы. Вот так всегда. Хорошо хоть Сережки рядом нет – он бы обязательно посмеялся.

– А сколько будет в итоге?

Продавец снисходительно фыркнул:

– Четыреста пятьдесят.

Все равно не хватает! Алиска уже почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Что же делать? Можно попросить у Сережи, но он опять начнет вредничать. У бабушки – всплеснет руками, скажет это свое «хо-о-спади». У мамы она бы просить не стала. Да и, если узнают, что Алиса выскользнула на улицу, никого не предупредив, накажут. А ветки вообще не нужны. Или елка, или можно вообще ничего не праздновать.

Ладно, она обязательно что-то придумает. Алиса повернулась и со всех ног побежала в сторону магазина.

Небо треснуло и разразилось дождем.

Мокрая курица с растрепанными волосами. Она оттянула веки, чтобы глаза стали похожи на шарики, высунула язык и наморщила нос. Вот теперь точно обезьяна! Шапка с помпончиком – мама сама вязала – мокрая насквозь. С куртки течет. Даже резиновые сапоги не помогли – вода затекла внутрь, и всю обратную дорогу Алиса хлюпала.

Зато она купила банку красной икры. Двести сорок восемь рублей – еще восемь осталось звенеть в кармане. Совсем немного, но она вернет их в копилку и будет добавлять каждую неделю. Даже попросит бабушку вместо воскресного мороженого отдавать деньгами – так точно успеет скопить на свадьбу. Тем более – Алиска высунула язык еще сильнее, – кто ее такую обезьяну возьмет?

Она сняла шапку, начала стягивать сапоги, но тут в коридоре появился Сережка. Они стояли друг напротив друга, как в старых фильмах про ковбоев. Алиска тут же вспомнила про комок пыли. Если он сейчас прокатится между ними – она совсем не удивится. Приготовится прыгать от Сережкиного пистолета – тем более, он у него есть, и пульки тоже. Но вместо пыли между ними появился Сэрка. Посмотрел на хозяина, на хозяйку и лениво мяукнул.

«Мяу» послужило сигналом. Сережка тут же сорвался с места и побежал в зал. Алиска – за ним, стаскивая на ходу сапоги.

– Стой! Не надо рас...

Закончить она не успела. Так и замерла перед мамой с компрессом на лбу, перед бабушкой, которая в очках-половинках разгадывала кроссворд из «никому-не-трогать» стопки. Замерла и выпучила на них глаза, а они дружно на нее уставились, и на их лицах было выражение мученического смирения: ну что опять учудила?

– Хоспади! – всплеснула руками бабушка. – Что за ребенок?

– Это она на улице так, – отчеканил Сережка.

– И никому не сказала? Али-и-иса, ну что с тобой делать?

– Ванну набери, – чуть слышно ответила мама, по голосу казалось, что она совсем не сердится, – надо согреть, чтобы не простыла.

Бабушка, кряхтя, поднялась с кресла. Убрала кроссворды в стопку и поманила пальцем:

– Идем, хоре ты луковое.

– Ой, подожди-подожди! – Алиса со всех ног помчалась в кухню. Распахнула холодильник – а там сверху вниз на нее смотрит полупустая пасть. Тарелка с недоеденными пельменями, плоска с яйцами, бабушкина сковородка с капустой, а вдоль нижней стенки колющие уголки соусов: кетчуп, горчица, тартар.

Алиса встала на цыпочки, приподняла соусы и сунула под них банку с красной икрой.

А медленное и кряхтящее тело бабушки уже плыло по коридору в ванную.

* * *

К вечеру дождь прекратился. Алиса снова брела по улицам – на этот раз предупредив, получив зонтик и указания не уходить далеко и к восьми возвращаться. Зонтик был не самым главным. Самое главное она держала в руках. И так волновалась, что на перекресток рванула бегом.

Слава Богу! Продавец все еще был на месте. Алиса подскочила к нему и со всей силы потянула за длиннющую куртку:

– А у вас скидки уже появились?

Продавец отскочил. Алиска заметила, как он что-то пробормотал, но так тихо, что ничего не было слышно. Потом выдохнул и прижал руку к груди:

– Ох, нельзя же так! Кондратий хватит!

«А кто такой Кондратий?» – хотела спросить Алиса. Но вовремя догадалась, что это не добавит ей очков – лучше притвориться, что она все-все на свете знает.

– Не хватит, – махнула она рукой, – а подкрадываюсь я всегда незаметно. Так как у вас со скидками?

– Ну четыреста пятьдесят, – протянул продавец, почесывая бровь.

– Ура! – Алиса чувствовала, как засветилась от счастья. Продавец, наверное, вместо ее лица увидел большую ярко-желтую лампочку. – Вот!

Она протянула сложенный в четыре раза листок бумаги.

– Эм, это что? – Продавец достал из длиннющих рукавов руки, развернул бумажку и заморгал.

На бумажке аккуратным детским почерком было написано:

ГОРАНТИЙНОЕ ПИСЬМО

Я, Зорина Алиса Сергеевна, обязуюсь, как только вырасту и начну зарабатывать (или когда соберу денги в копилке) вернуть Продавцу Елок на перекрестке проспекта Комендантского и улицы Шаврова 450 (четыристо пятьдесят) рублей.

* * *

Алиса поджала губы и упрямыми намокшими глазами уставилась на продавца. А вдруг она неправильно списала с Интернета? А вдруг без печати гарантию не примут? После долгой-долгой паузы, за которую Алиса успела решить, что все безнадежно, продавец, наконец, заговорил:

– А точно отдашь?

– Точно-точно! – обрадовалась она. – Вы меня засудите, если я не заплачу.

Продавец скривил губы, хмыкнул и выдохнул.

– Ладно, вон ту возьми, – кивнул он и ткнул рукавом на приваленную к ограде елку, – сама-то дотащишь?

– Дотащу-дотащу! Спасибо!

* * *

Алиса обхватила елку, как будто обнимала старого знакомого. Но елка оказалась тяжелой – Алиса изогнулась буквой «Г» – почти встала на мостик, и сапоги заскользили по лужам. Она бы грохнулась на спину, но извернулась и приземлилась на теплое, мокрое и колющее тело елки с резким смолистым запахом хвои, от которого почему-то страшно захотелось есть. Алиса снова подскочила, прижала ствол к бедру, обхватила правой рукой и пошла, чтобы елка волочилась следом. Но елка осталась лежать – тяжелая, мокрая от дождя, перетянутая старой бечевкой. Никуда она не собиралась, ей и здесь – под серым небом – хорошо.

Ну что за упрямца? Тебя в квартиру отнесут – тепло, уютно, светло и ароматно, украсим тебя сережками-шариками, обвесим бусами-гирляндами, а сверху – старую ребристую, сияющую, как рубин, звезду. У Алисы бус никогда не было, и она немного даже завидовала елке, а та – вот глупая – не хотела идти.

Алиска наконец наловчилась. Встала к елке передом, к дому задом, схватила ствол обеими руками и попятилась раком. Ну давай же, деревьях, тащись, краси-и-ивая будешь!

Елка скрипнула – будто фыркнула – и поддалась. Заскользила по лужам, поднимая грязные брызги, скоро и веревка стала грязно-коричневой, и Алисин голубой пуховик покрылся точками – коричневыми метеоритами, оставляющими за собой водянистый грязный хвост.

Продавец смотрел, пока она не исчезла в подъезде, мял сигарету и думал: «Во девах».

* * *

Самым трудным оказалось поднять елку по лестнице к лифту. Алиса медленно – ступенька за ступенькой – тащила, пыхтя и напевая, чтобы было не скучно: жил отважный капитан...

А когда капитан влюбился, а Алиске осталось две ступеньки, елка вдруг выскочила и поехала вниз.

– Стой-стой, ну куда же ты?!

И Алисе вдруг так захотелось плакать. То ли от того, что никак у нее эту дуру дотащить не получалось. То ли от того, что так и не удалось этой зимой, так же как елка, махнуть с горки, хватаясь руками за бублик, чтобы в ушах ветер, а в глаза – снег. А может, и от того, что мама месяц почти не встает.

Она плюхнулась на ступеньку, уперла локти в острые колени, спрятала лицо в ладонях и сидела так, пока не устала от безделья. А потом встала и, шоркая по грязному полу, попятилась к лифту. «Ну и не надо! – подумала она, нажимая прожженную кнопку, – ну и не нужно никакого Нового года. И елки не нужно! И красной икры на желтом жирном масле – Алиска ее тайно съест, чтобы больше досталось. Вот бы сейчас закрыть глаза и вдруг оказаться в другом месте!»

А когда лифт распахнулся, Алиска задохнулась на середине вдоха – дверь была не ее! Не черная и железная с садинами вокруг замка, а деревянная, с золоченым глазком и причудливо извернувшейся ручкой. Дверь была дяди Гены – соседа сверху. Да как же так, если она точно-точно нажимала на знакомую кнопку, в которую палец как будто проваливался?

Алиска, ни секунды не думая, запрыгала к звонку. И снова стало хорошо, и снова захотелось обрадовать всех красной икрой! Вот оно – самое настоящее новогоднее чудо! Ведь не случайно лифт ее именно сюда привез. А дядя Гена обязательно поможет.

За дверью что-то заворчалось и зашаркало. Интересно, какой у него пол в коридоре? Такой же желтый линолеум, как у них, или плитка, как у Олежки? Щелкнул замок, крутанулся ключ, и дверь легко, будто зевнула, распахнулась. А на пороге стоял дядя Гена. Какой-то он был низкий для своего обычно роста, с заспанными глазами и заляпанной красным пятном футболкой.

– Чего ва... – начал он, а «м» повисло где-то в воздухе, похожее на бабушкино «mmm», когда она сосредоточенно водит карандашом в кроссвордах, – Алиска? Что-то случилось?

Она смогла только схватить его за руку и потащить за собой:

– Там, там, дядя Гена! Елка! Я не дотащу. Я ее поднимаю, а она катится.

– Ладно, погоди, дай хоть...

– Она же замерзнет! Ей в тепло нужно, к украшениям...

И вниз на лифте. А Алиска все говорила и говорила. И про елку, и про икру, и про то, что ей теперь свадьбу придется переносить. И про маму, и про бабушку, и про сломанную морозилку – почти со слезами.

– И я тогда снег на терке... на терке... на... – Алиске вдруг сдавило горло. Елки не было! Ее елки! Той самой, которую она тащила, которой обещала и бусы, и серьги, и звезду на перекошенную макушку.

Не было!

И никакое это не чудо!

Она сделала глубокий вдох, а на выдохе разразилась громогласным ревом. И как бы дядя Гена ни пытался, ему никак не удавалось ее успокоить. Обессилев, он просто подхватил маленький, грязный, ревущий комок, отнес к квартире и передал бабушке из рук в руки. А Алиса все редела и редела, пока ее не раздели и не уложили спать.

* * *

Алиса проснулась от знакомого кисло-сладкого сочного запаха. Заворочалась в постели: неужели она так разоспалась, что теперь даже запахи во сне чувствует? А нет, пахло оттуда – из реальности.

Она приоткрыла правый глаз и лениво оглядела комнату. Перед ней, восседая на высоком стуле, уперев ноги в перекладину между ножками, сидел и гордо ел мандарин Сережка. Он то и дело совал свернутую спиралью кожуру Сэрке, тот нюхал, фыркал и пиялся, сощутив в отвращении глаза. А потом опять подходил – уж очень аппетитно все это выглядело.

– А мне? – тут же подскочила Алиска.

Из-за набитого рта Сережа так и не смог сказать ничего вразумительного. Промямлил что-то и махнул рукой. Но Алиса все поняла: там, в кухне. Она на бегу натянула домашнее платье, выскочила в зал и так и замерла! Прямо за диваном стояла ее елка – ее! Потертая, с поломанными лапами, но зеленая, колючая, с терпким смолистым запахом, с легким поклоном макушки-головы, и самое главное – умытая, чистая и без удушливой грязно-серой веревки. А возле елки стоял дядя Гена – он переоделся в джинсы и светло-серую кофту и сразу стал и выше, и красивее, и даже каким-то родным сразу стал. Ловко подцеплял поломанные ветки, наматывал зеленой ниткой с катушки и привязывал к стволу, чтобы торчали как новенькие.

Бабушка, охая и фыркая – обременили лишними делами, – ковырялась в коробке с игрушками и сухими руками вытягивала запутавшиеся дождики. А с закрытой кухни – подумай только! – тянуло мясом. И все эти запахи: мандаринов, хвои, фирменной бабушкиной стряпни и теплой «надышанной» комнаты – переплелись и закружили Алиску куда-то в совершенно другой мир.

– Ну, конечно, отметили б! – заворчала бабуса, когда Алиса невразумительно залепетала, едва борясь со слезами обиды и радости. – Без елки думали отметить. Я ж бы ее не потащила. Но без курицы жареной я б вас не оставила. И пюрешечку сейчас сделаем...

– И бутерброды с икрой! – обрадовалась Алиса.

– Ишь удумала! Денег нет, а ей икры захотелось. Без икры будем.

– Да я сейчас, сейчас!

Алиса побежала дальше, в кухню, проскользнула, дверь за собой закрыла – чтобы Сэрка не мешался – и принялась за дело.

Намазывать масло она умела – точно знала, сколько надо подождать, чтобы оно подтаяло – не крошилось, но и не растекалось водой. И сколько брать на один ломоть хлеба и как намазывать, чтобы вышло вкусно. А вот с икрой пришлось помучиться – сначала мало, потом много, да еще и Сэрка просочился через щель и начал тереться о голени теплой головой. Зато, когда Алиса вынесла все это великолепие на большой праздничной тарелке с синим ободком, когда все увидели бутерброды, на которых, как шарики на елке, блестели кругляши икры, все старания окупились сполна. Сережка так и замер с мандарином во рту. Да и все замерли, только Сэрка выписывал восьмерки и драл горло, требуя угостить.

* * *

А потом весь этот круговорот запахов, звуков и голосов закружил Алиску. Вон еще ту лапу привяжите, мам, курицу проверь, хоспади, в могилу бабушку загоните, ну что ты свои мандарины ешь и ешь, иди вон дяде Гене помоги звезду крепить. Ну что делать? Разбили так разбили. У тебя же клей от моделей остался – склеите как-нибудь.

И урчание Сэрки, и звон бьющихся друг от друга игрушек, шорох мишуры, хруст бабушкиных суставов, мамино тихое покашливание и даже «Джингл Бэлс» – который писклявым голосом затянул Сережка, – все это закружило, как ураган Дороти из мультика, и выбросило уже в ночь к бою курантов, к столу с белой скатертью, к прожаренной до коричневого цвета курице, к вазе с мандаринами, которые Сережа хватал зубами, потому что «ну что за ребенок, хоспади, все руки клеем заляпал», и, конечно же, к бутербродам с икрой на широкой тарелке.

* * *

– Ну спасибо за приглашение! – поднял бокал дядя Гена. – За хозяек, за хозяев, – он подмигнул Сереже, – и за Алиску, которая так захотела Нового года, что получила.

– Только снега нет, – пробормотала она, уставившись в стакан с яблочным соком.

– Ну это дело поправимое, – дядя Гена хитро улыбнулся и глянул на часы, – выходите на балкон минут через десять, а я пока Деду Морозу позвоню. А то, погляди на него, работает раз в год, и то халявит.

* * *

Мама укуталась одеялами, бабушка надела любимую «выходную» шаль. Сережу и Алиску заставили вырядиться в пуховики – так они и стояли на балконе, как два огромных новогодних шара. Даже Сэрка уселся на подоконник, распушился и тоже стал напоминать шар.

И вдруг откуда-то сверху полетела мокрая крошка, такая же, как и прошлой ночью у Алиски, а вместе с ней белые, кружащиеся звездочки – самый настоящий снег! Алиса посмотрела по сторонам – снег был только у них! Дед Мороз и правда расстарался. Нет, поняла она

вдруг, задрав голову: не Дед Мороз, а дядя Гена. Да и какая разница? Если чудо случилось, не важно ведь, кто его делает!

На балконе пахло Сережиным клеем для моделей, бабушкиными духами с едким запахом розы и мамиными лекарствами. А от Алисы пахло мандаринами и хвоей. Она стояла на табуретке, схватившись руками за раму, и смотрела в глубь синего новогоднего двора.

Юлия Евградова

Параллельные миры

Зима у нас холодная. Долгая, темная, полгода почти зима. Утром встанешь – еще темень, с работы выходишь – снова темно. Сугробы тусклые, серо-бурые, поверх закиданы ледяным крошечком с тротуаров. Снег, щедро присыпанный солью, мокрой кашей лежит вдоль дорог, не давая перейти улицу, водой просачивается сквозь сапоги, студит ноги.

Но за городом зима – совсем иное дело. Белым-бело куда хватит глаз. Снег тут чистый, ровный, сахарно-белый, искрящийся и падает неспешно, тихо, ложится теплой шапкой, надежно защищая землю, торжественными манишками оседает на лапах елей.

Так думала Марина Львовна, осторожно ведя машину по проселочной заснеженной дороге.

Неделю назад Димка, ее так быстро повзрослевший сын, как бы между прочим уточнил за ужином:

– Ма, ты на Новый год как всегда к Романовым?

– А куда же еще? – пожала плечами Марина.

По сложившейся традиции, в Новый год всегда собирались у Романовых. Сначала потому, что у них дети маленькие и не с кем оставить, а потом просто по привычке. Разве можно в Новый год еще куда-то – не к Романовым?

– Супер, мать. Я тогда Олю к нам приглашу, ты ведь не против?

Марина Львовна понимала, что ответ «против» никак не вписывается в Димкину концепцию встречи Нового года. Да и что ей возражать – все понятно. Мальчик ведь совсем большой, даже и не мальчик уже. И девочка-сокурсница сама из общежития, где им встречаться? Есть, конечно, клубы и рестораны, но беспокойно там, опасно, все что угодно может приключиться. И об остаться наедине там речь не идет. Да и не наспонсируешься, он же ее по клубам не на стипендию водит. Регулярно приходится инвестировать в сыновью личную жизнь.

– Не против, родной. Даже рада.

– Рада? – удивился сынуля, не переставая жевать. – Правда, что ли? Чему? Она тебе нравится?

Нравится не нравится... Марина ответила тактично:

– К сожалению, в данном случае мое мнение не определяющее. А рада я тому, что мне готовить тебе не нужно, Оленька приедет и все приготовит. А ты заодно будешь умненьким и поглядишь, на что она способна. Я имею в виду – на кухне.

А позавчера позвонила Раечка Романова:

– Ой, Маришка, ты не поверишь! Лесик везет меня на Гоа, Новый год встречать! Это в Индию, прикинь? Там какая-то горящая путевка на двоих, так и называется «Новый год на Гоа». Так что мы младших детей оставляем на старших, старших детей оставляем на бабушку, а сами будем с Санта-Клаусом на пляже веселиться! Или у них, в Индии, другой Дед Мороз, ты не знаешь?

– Не знаю, – рассеянно отвечала Марина, суетливо прокручивая в голове варианты собственного праздника. Ничего толкового на ум не шло.

– Не, клево, да? – восторженно щебетала Раечка. – Первый раз в жизни не в родных четырех стенах. Готовить не надо, посуду мыть не надо, и конкурсы дурацкие не надо выдумывать. А то мне от этих многолетних новогодних приемов тошно уже.

Вот так – взяла и продала их дружную компанию ни за грош.

– Так что в этот раз изменяем традициям, все наши будут тусоваться у Ивановых.

К Ивановым Марине не хотелось – слишком шумно у них. Можно было пойти к Лариске Булкиной, но и туда не хотелось, Марина Львовна не любила бесшабашно-слезливые посиделки сорокалетних разведенков.

Можно было бы и дома остаться в кои веки, спокойно телик посмотреть в халате, шампанского выпить под мисочку оливье и бутерброд с икрой. Но ведь есть еще Димка со своей Оленькой. Лучшего подарка сыну и представить трудно: мама остается с ними в новогоднюю ночь! Оленька, по слухам, уже развила бурную деятельность, составила меню романтического ужина и даже продукты закупила. И ведь, без сомнения, на две персоны, а никак не на три.

Аннушка уже разлила масло...

– А что, Баранкин, махнем на дачу? – с тихой безысходностью бросила Марина Львовна в угол, в сторону собачьей лежанки.

Крупная лобастая дворняга, светло-рыжая, с закрученным баранкой хвостом, взвилась с нагретого, належенного места, подскочила вплотную и недоверчиво уставилась янтарными глазами. Волшебное слово «дача» стояло у нее в одном ряду со словами «гулять» и «косточка», но произносилось оно только летом, а за окном тихо падали мягкие белые хлопья.

– А что? Можем мы с тобой встретить Новый год на даче? Говорят, это чудесно. Кругом звезды, тишина, снег скрипит, воздух морозный, прозрачный... А, Баранкин? Знаешь, когда тебя еще в помине не было, мы зимой часто ездили на дачу, на лыжах катались, печку топили. Хорошо-о-о было! Вкусностей купим, тебе говядинки на косточке. Зачем нам к кому-то идти? А Димке скажем, что ты со мной к Ивановым пошел, а? А то он ведь нас не отпустит.

Сын, сбрендивший от первой взрослой любви, даже не удивился, что мать отправляется в гости с собакой, да еще и тридцатого с утра. Готовить, поди, будет помогать.

Зимой на дачу Марина Львовна теперь не ездила, не любила. Дом выстуженный, белье отсыревшее, летний водопровод отключен, дорожка к дому засыпана. Но она позвонила дачному сторожу, попросила того на участке почистить, дом протопить. Сторож не отказал, знал, что Марина в долгу не останется.

– Героическая ты баба, Маришка! – приветствовал сторож. – Декабристка прям. Или что, из дома выгнали? Здорово, Бараныч.

– Глупости говорите, Иван Тимофеевич, – рассердилась Марина такой его прозорливости и с энтузиазмом пояснила: – Просто, знаете, на природу захотелось, за город, воздухом подышать. Здравствуйте, дорогой! Красота-то какая!

– Ага, красота, едрить ее, – согласился сторож. – Только как бы нам с тобой в этой красоте вдвоем не пришлось куковать.

Марина вопросительно пошевелила заметными морщинками на лбу.

– На небо погляди. Ты, должно, последняя сегодня приехала. Часика через два-три пурга начнется, деньком. Если вовремя не прекратится да ночью грейдер не пройдет, не почистит, то и не проедет никто завтрава. Вот я и говорю, вдвоем будем куковать в Новый год, едрить его. Ты, Марысь, сегодня дом не грей, в кухне оставайся, я там протопил. Дом у тебя на электричестве, а электричество отключают в метель, провода рвутся, старые уже, едрить их. Если чаво, то и завтра дом нагреть успеешь.

– У меня камин в доме, – попыталась защитить Марина свое чудесное, недавно заново отстроенное жилище, стоившее столько сил и средств. Предмет Мариной гордости и зависти всех соседей.

Она пять лет во многом себе отказывала, чтобы сделать так, как хочется. Чтобы за городом, но с удобствами. Удобства, правда, полагались только летом, потому что водопровод в садоводстве хлипкий, поверхностный, и с первыми заморозками его отключали, а на скважину еще предстояло заработать. Ничего, если все хорошо пойдет, то и скважину осилит, работы сейчас много. Марина Львовна была разработчиком учебных электронных курсов и в профессиональном кругу пользовалась отличной репутацией.

– А что, на весь дом твой камин фуфлыжный? – хмыкнул сторож. – Молодые, все форсите, печку русскую ложить надо было, а не камин. А в дом твой олигархский я даже ходить боюсь, эк наворочали.

Добавил, уходя:

– Я там елку за домом сложил, как ты просила. Хорошая елочка, пушистая. Только ты ее на всякий пожарный изолентой к яблоне примотай да игрушки крепче вяжи, чтобы ветром не улетели. И свечи, свечи наготове держи, провода рвутся...

Елку к яблоне изолентой – это сильно! Да ну его, паникер старый, любит страху нагнать. Какая такая пурга? Просто снег идет, зимой так положено. Но послушалась, на кухне осталась.

Кухня когда-то была задумана как временка – давно, только участок получили. Ее еще Маринин отец строил, царствие ему небесное. А потом Вася перестраивал, бывший муж. Не поднялась у Марины рука времяночку снести – утеплили, обшили, в отдельную кухню превратили. Когда Димка с друзьями приезжал, то вечером молодежь на кухоньке отлично время проводила. Сидели до первых петухов и не беспокоились, что Марину разбудят.

Марина Львовна разгрузила машину, сложила пакеты в кухне на пол, на диван. В уголке дивана постелила старенькое детское одеяльце для Баранкина: пол холодный, как бы бока себе не застудил. Баранкин от такой милости почувствовал себя кумом королю, вальяжно растянулся на полдивана, бесцеремонно подмяв под себя одеяло.

Марина Львовна переоделась в теплый лыжный костюм не первой молодости, куртку и валенки надела, на голову пуховый платок намотала, вышла на улицу.

Снег падал медленно и ровно, ложился на плечи и рукава крупными хлопьями, рыхлыми сгустками точеных снежинок, прохладно таял на щеках, оседал на ресницах. Марина сняла рукавицы, зачерпнула ладонями белого великолепия, слепила тугой снежок, откусила кусочек. Зубы приятно заломило, а во рту остался привкус чего-то давным-давно забытого, зыбкого, сказочного. Чуть сильнее надавила пальцами, и снежный комок рассыпался, упал под ноги, остался лежать сиротливыми неровными островками. Здесь же вертелся под ногами Баранкин, весело засовывал в сугроб черную пуговицу носа, рыл лапами, метил желтым углы.

Марина достала снеговую лопату, принялась, пыхтя и отдуваясь, расчищать площадку под елку. Быстро вспотела, скинула куртку, оставшись в лыжной шерстяной кофте, сдвинула на полголовы теплый платок. В этом мелькании лопаты, в веером разлетавшемся снежном крошеве, даже в свинцовых тучах над головой было что-то безмятежное, вольное, не поддающееся исчислениям и замерам.

Сквозь шарканье лопаты со стороны дороги послышался мерный, ровный рокот – ехал автомобиль. Зимой дорога хорошо просматривалась, насквозь. Не обремененные листвою березки по обочине лишь густо прочерчивали небо тонкими ветвями. Мимо участка медленно, вязко прокатилась большая черная машина, низкая, крутозадая и блестящая. Из тех навороченных, что Марина Львовна всегда с опаской пропускала на дороге вперед себя. Сыто урча, автомобиль проехал мимо, помедлил на перекрестке – Марина была единственной, кто сегодня приехал, и промяла колею только до собственной калитки, – сдал задом и, вырулив на расчищенный сторожем пятачок, остановился. Со своего наблюдательного пункта Марине было хорошо видно, как неспешно открылась водительская дверь, и снизу показалась нога в ботинке – таком же нелепом на фоне пустого зимнего садоводства, как и сам черный БМВ, – изумительно черном и блестящем. Расчищенный пятачок оказался мал, и ступить из салона можно было только в снег. Ботинок завис над сугробом, вдохнул морозного воздуха, поймал носком вереницу снежинок и втянулся обратно в теплое нутро. Исподтишка наблюдавшая Марина усмехнулась. Баранкин тоже наблюдал, наострив уши, чуть заметно напрягшись.

Со второй попытки получилось заметно лучше: ботинок бесстрашно плюхнулся в снег, за ним в снег ткнулась черная брючина с восхитительной стрелкой, и из салона вылез водитель целиком. Марина неприлично присвистнула. «Инопланетянин», со смехом решила она,

оглядев с головы до ног такого-раздакого в черной тонкой дубленке, с непокрытой головой. Он был безупречен и строг, выдержан и торжественен, и его можно было смело отправлять на церемонию в Букингемский дворец – хоть на свадьбу, хоть на поминки. Такие красавчики в наше время встречаются обычно на страницах глянцевого журналов да по телевизору, в рекламе конфет «Коркунов».

В Букингемский дворец он не пошел, а решительно направился вперед по тоненькой, протоптанной сторожем тропке, загребая ботинками снег. Нужно было бы предложить свою помощь, но уж слишком неприступной выглядела фигура на пустой дороге. Марина пожала плечами и пошла за дом, искать елку.

Снегопад понемногу усиливался, уже не разобрать было отдельных снежинок, они слипались в рыхлые белые комки и абсолютно по-новогоднему ложились на темной зелени колючие еловые лапы. Марина прикрепила елку к металлическому стержню, который Димка для неведомых целей вбил осенью в газон, подергала. Вроде бы крепко получилось. Где-то на чердаке лежала коробка со старыми елочными игрушками, сосланными на дачу за ненадобностью, но искать их сегодня было бессмысленно. Снег вдруг повалил так, словно там, наверху, что-то прохурилось, и в прореху посыпался из небесной подушки белый пух. Марина старательно потопала ногами, отряхивая валенки, похлопала себя руками, сбивая налипшие хлопья, потрясла ставший белым платок, смахнула варежками снег с собачьей шерсти и пошла с Баранкиным в кухню чай пить. Стол стоял у окна, и за чашкой свежего, горячего чая ей было хорошо видно, как инопланетный красавец возвращается обратно, с трудом передвигая ноги, превратившись за прошедшие полчаса в воистину снежного человека. Он долго отряхивался у машины резкими, злыми движениями, топал ногами, прежде чем запихнуть их в салон. Завел двигатель, засверкал в раннем зимнем сумраке фарами и габаритами, двинулся вперед, потом дернулся назад, поерзал туда-сюда на дороге и... засел.

Он вдруг понял, что решительно и окончательно засел, глупо и всерьез. Колеса прокручивались, выстреливая позади себя белыми фонтанами, машина только глубже зарывалась в снег. Чертыхаясь, вылез наружу, открыл багажник в поисках лопаты – он слышал, что в России все зимой с лопатами ездят, – и с любопытством оглядел объемное пустое нутро. Какая-то торичеллиева пустота. Да и зачем его водителю лопата, если тот вечером машину ставит в подземный паркинг, а утром ее оттуда же и забирает?

«Совсем ненормальный, кто же к нам без лопаты зимой суется? Кто к нам без лопаты придет, тот без лопаты и погибнет», – подумала, наблюдая за его перемещениями, Марина.

Он с силой захлопнул багажник, вернулся в салон, от нечего делать потыкал пальцем в кнопки магнитолы. «Снег кружится, летает и тает...» – старательно выводил женский голос.

И телефон он забыл зарядить. Аппарат, как назло, отключился еще по дороге сюда. И водителя он отпустил – зачем-то решил проявить великодушие, потому что у того жену в роддом увезли. Храбро сказал, что сам съездит, и пообещал, что никому не скажет, – молодой водитель боялся, что его уволят за то, что оставил дорогого гостя без присмотра. А дорогой гость хотел всем показать, что уж здесь-то, на родине, не пропадет и сам черт ему тут не брат. Вот и показал. И сколько сидеть? До весны? А завтра Новый год, в офисе с утра фуршет. Ему нужно будет улыбаться, задвинув на задний план проблемы, пить мелкими глотками холодное шампанское, закусывать его недозрелой безвкусной клубничной, милостиво брать с подноса заботливо поднесенную тарталетку с черной икрой. Нужно шутить с топ-менеджерами, говорить первый тост, а он тут расселся.

Он снова ткнул пальцем в магнитолу, и «снег кружится» замолчал. Нужно было как-то выбираться. Вроде бы здесь, на участке, какая-то бабка была с лопатой, пойти, что ли, лопату у нее попросить, пока совсем не стемнело? Сторожиха, должно быть. Здесь зимой нормальные люди не живут. Вон большой дом темный стоит, свет только в сторожке. Она ему лопату, а он ей денег даст, чтобы купила себе чего-нибудь к праздничному столу.

Он вежливо постучался и, немного помедлив, вошел:

– Извините, вы не могли бы одолжить мне лопату? Здравствуйте. А лучше продать.

– Вам для согрева или для дела? – безмятежно уточнила Марина, сдерживая смех.

Что он копать собрался? В таких ботинках!

– Не понял, простите. Мне дорогу почистить.

– Если для дела, то километра два до шоссе чистить, а если для согрева, то я вам лучше чаю горячего налью. Заходите.

В полумраке сторожки он разглядел неопределенного возраста тетку, споро кидавшую дрова в жаркое жерло печки. Тетка была в валенках, с накинутым на плечи серым пуховым платком. К ногам его кинулась собака неясной расцветки, дворняжьей породы, принялась шумно обнюхивать, противно тыкаться в руку холодным носом. Раньше, давно, такие псы старыми жили у метро, кланчили колбасу в кооперативных ларьках. Может быть, и сейчас живут, но он много лет не был возле метро.

– На место, Баран! – скомандовала тетка.

Это она кому – ему? Он, что ли, баран? Нет, это собаке. Бежать бы отсюда, но слова «горячий чай» звучали так маняще, и он почувствовал, что до костей продрог. В раздумье он пошаркал ногами о половики, и Марина Львовна, закрыв топку, обернулась. Было невооруженным глазом видно, что тонкая кожа его элегантных ботинок фасона «оксфорд» насквозь промокла, пропиталась ледяной водой, а брюки ниже колена больше не топорщились торжественно стрелками – обвисли под тяжестью налипшего подмерзшего крошева. И на дубленке предательски выступили мокрые пятна, и волосы сбились сосульками.

– У-у-у... – протянула Марина, – никакой лопаты я вам не дам, дорогой товарищ. Раздевайтесь.

– В каком смысле? – испугался он.

Он слышал, что в России бывает опасно, но не думал, что разбоем промышляют тетки. Сейчас натравит на него своего волкодава и ограбит, даже на помощь не позовешь. Только раздеваться-то зачем? Или она, чего доброго, от него интима потребует под страхом смерти?

– В прямом. Я вам носки теплые дам и другие брюки, а ваше пока просушим.

Он ни под каким видом не собирался здесь раздеваться, тем более надевать чужие штаны, но тетка уже решительно шуровала на нижней полке шкафа, где до сих пор хранились вещи бывшего мужа. Марина выудила ватные штаны, в которых Василий когда-то ходил на зимнюю рыбалку, толстые носки из козьей шерсти, достала из-за печки большие валенки.

– Да раздевайтесь же, не стойте столбом, я не смотрю, – сердито поторопила сторожиха, – или вы решили замерзнуть, как генерал Карбышев?

У тетки, наверно, есть телефон, и можно было бы попросить, но он не помнил наизусть ни одного русского номера. Он вздохнул... и разделся. А потом оделся. Жуть. Носки нещадно кололись, валенки были нечистыми, в пятнах, а такие штаны он надевал в последний раз тридцать лет назад, когда в армии служил. И тетка над ним хохочет, согнувшись пополам, потому что штаны и валенки в сочетании с его пиджаком от костюма и белой сорочкой с галстуком – инфернальное зрелище.

– У вас выпить есть? – зло спросил он, почувствовав, что чай ему нынче не помощник.

– Есть. Виски будете?

Марина Львовна пила мало, оттого напитки себе всегда покупала качественные. И бутылку виски она вчера приобрела специально, чтобы себя побаловать. Хорошую бутылку, дорогую, тем более что по итогам года премию большую дали.

– Буду, да.

– Нате, пейте. Пейте скорее, пока совсем не зачоченели. Льда предлагать не буду, и так холодно.

Он налил себе виски в стакан, выпил залпом и заметно сморщился. Виски дрянный. Он поднес к свету бутылку, изучил этикетку. «Произведено и разлито в Англии». Что-то не встречал он таких бутылок в Англии, хоть марка и известная. Понятно, это как раз то, что в России ласково именуют «паленкой».

– Вы голодный? Я сейчас что-нибудь закусить соображу.

И он понял, что действительно голодный. Она закуталась в неимоверный платок, сбегала куда-то и вернулась с миской моченой антоновки, солеными огурцами, грибами в банке. Виски моченым яблоком он еще никогда не закусывал. Она доставала из объемистой сумки разные мясные нарезки, твердые колбаски, соленую рыбу, кружками выкладывала по тарелочкам. А хорошо сторожа живут! Каждый раз, когда она проносилась мимо него, он улавливал носом легкий запах пота и еле заметно кривился. Мыться здесь, должно быть, негде бедолаге.

А потом она решила, что темно, и зажгла верхний свет. И будто бы случилось волшебное превращение. Она оказалась никакой не теткой, а довольно привлекательной, молодящейся, вполне ухоженной женщиной. Даже, наверно, младше его.

– Вы откуда такой? – бесцеремонно поинтересовалась она. – Где живете?

– В Англии. – Он старался не говорить «в Лондоне», потому что русских лондонцев нынче в России не очень любят. Хм, и в Лондоне русских лондонцев не очень любят.

– А здесь у вас что, русский экстрим? – Она была чрезвычайно любопытна.

– Нет. Здесь у моей тетушки дача, она попросила съездить проверить. А то ей приснился сон, что дачу ограбили и сожгли.

Он не стал вдаваться в подробности и рассказывать, что тетушка вынула из него всю душу с этой самой дачей, старой избушкой на курьих ножках. Но тетя Глаша его одна вырастила, в детдом не сдала. Каждый год сидела с ним летом на той самой даче, и он не хотел портить отношения перед праздником. А завтра Новый год, и совсем не будет времени поехать. Нужно было сразу и решительно пресечь тетушкины фантазии, а он захотел отчего-то выглядеть героем. Может быть, оттого, что тетя Глаша не ставила его ни в грош, иначе как спекулянтом и барином не называла.

– То-то я смотрю, вы какой-то весь нездешний, не дачный. Дача-то целая, я надеюсь? А где дом, далеко?

– Целая дача. На Звездной улице, в конце.

– Да что вы! Это где рядом детей едят?

Он вздрогнул и посмотрел на нее, как на душевнобольную.

– Я, когда была маленькой, меня бабушка пугала, что если буду себя плохо вести, то меня старуха из большого дома заберет к себе и съест, потому что она Баба-яга. Тогда ни у кого заборов не было – так, в лучшем случае из штакетника легкомысленного. А в том доме был забор высокий, сплошной, глухой. Мы с ребятами в щелочки подглядывали. Там какой-то мальчик жил старший, но он с нами не дружил...

– Это я, – неожиданно признался он и сам себе удивился.

Он не хотел этих воспоминаний, никакого лиризма не хотел. Он хотел лопату и поскорее исчезнуть отсюда, а вместо того сидел в чужих ватных штанах и закусывал виски моченой антоновкой. Неплохо, кстати.

– А Баба-яга – это, я полагаю, моя тетя Глаша.

– Ох, простите, неудачно получилось. – Она неловко, смущенно улыбнулась, и он заметил, что у нее на щеках симпатичные ямочки. И еще заметил, что волосы у нее мягкие, пепельные и вьются сами собой, ложатся на лоб колечками. Когда колечек на лбу становится много, она трясет головой и откидывает их в сторону. Давным-давно, в пионерском лагере, он был влюблен в девочку с такими же волосами и даже на полном серьезе считал ее настоящей Мальвиной.

А она заметила, что у него красивые руки и пальцы тонкие, аристократичные. И вовсе он не глянцевого и не рекламного, а самый реальный. Тот мальчик, что жил когда-то в доме на Звездной улице. И жил он вовсе не с Бабой-ягой, а со Снежной королевой. Это же Кай, самый настоящий, только он слишком много лет провел в ледяном замке, выкладывая из ледышек слово «вечность». Его просто надо отогреть, чтобы оттаяло сердце.

И Марине показалось, что все это не случайно: он, она и канун Нового года. И метель не случайно, и то, что его машина застряла аккуратно у ее калитки. Метель усилится, и грейдер не придет, и никто больше сюда не придет. А завтра снег стихнет, и она покажет ему свой чудный новый дом, похвастается. Там, правда, сейчас водопровод отключен и канализация не работает, но это ведь не главное, раз в году можно поморозить попу в дощатом туалете, сохраненном как раз для зимних поездок на дачу. Они вместе достанут с чердака коробку с игрушками, нарядят елку, накроют в доме на стол. Марина наденет черные брючки, которые хорошо подтягивают живот, а у него высохнут брюки. Она, правда, вспотела, пока снег чистила, и от нее слегка пахнет, но она что-нибудь придумает. И они вместе встретят Новый год. И это будет самая настоящая, главная, сказка в ее жизни, та, о которой потом долго-долго рассказывают детям и внукам. С хорошим концом сказка.

Марина Львовна была уверена, что у него нет жены и никого нет, кроме тети Глаши. Что ему до смерти надоели молоденькие дурочки с длинными ногами и силиконовыми сиськами, что ему жизненно необходимо встретить Новый год именно здесь, с ней. Они будут разговаривать, рассказывать друг другу, вспоминать. С ней ему есть что вспомнить, не то что с молоденькими ногасто-сисястыми дурочками. Когда он был молодым и Марина была молодой, дурочки еще даже под стол пешком не ходили, что они могут в нем понимать? Им будет так хорошо, так уютно, а в двенадцать они выйдут на улицу с бокалами шампанского, откроют дверь и впустят Новый год. И загадают желания. А желания у них будут одинаковыми...

Он с аппетитом ел, размышляя о том, что вообще-то нужно хотя бы имя ее узнать. Или зачем? Пусть будет Мальвиной, повзрослевшей и повидавшей жизни. Слово «постаревшей» ему по отношению к ней употреблять не хотелось. Правда, Артемон у нее подкачал. Он понял, что она ему интересна. Почему она здесь одна, зимой? Как выдерживает в таких нечеловеческих условиях? Она ведь не опустившаяся, не алкоголичка, просто, надо полагать, так жизнь сложилась. Ему захотелось узнать, расспросить...

– Привет олигархам! – Без стука открылась дверь, и на пороге возник старик в тулупе и военной шапке-ушанке. Старик хотел еще что-то сказать, но увидел за столом чужого мужчину, изумился и замолк на полуслове, только озадаченно добавил: – Вот такие дела, Баран.

– Что-то случилось, Иван Тимофеевич? – не слишком радушно спросила Марина Львовна.

– Так я пришел тебе сказать, что метель закончилась. Там слышно – грейдер идет. Можешь идти рубильник в доме включать, будет электричество, – добавил в сторону незнакомца за столом: – Здравствуйте!

Он терпеть не мог, когда его называли олигархом. Ругательное какое-то слово, никакой он не олигарх, просто хорошо обеспеченный человек. Или это вообще не про него сказано? А про кого тогда?

– Ох, пойдемте скорее на улицу! – со счастливой улыбкой позвала его Мальвина мягким грудным голосом.

Марина снова накинула на плечи платок, вместе со сторожем выбежала наружу. Почти стемнело, и было тихо-тихо, ни снежинки, ни ветринки. Воздух чистый, густой, хоть ножом его режь и на булку намазывай. То, что она так старательно чистила днем, завалило новым слоем снега, пухлого и рыхлого, словно сахарная вата.

– Твой? – односложно, с опаской спросил сторож, кивнув в сторону кухни, где остался сидеть чужой мужик.

– Нет, – так же односложно ответила Марина. Не хотела торопить события, боялась спугнуть.

– Ну и слава Богу, – успокоился сторож. Ему тот, за столом, исключительно не понравился. Знамо дело, из тех, что на чужой каравай: баба одинокая, с домом, с машиной, уши развесит, и привет! – Ладно, если ничего не нужно, то я пошел.

Когда Марина вернулась, он уже вовсю переодевался. Брюки высохли, но только Марина повесила их слишком близко к горячей печке, и от металлической задвижки на ткани осталась рыжая подпалина. И ботинки почти высохли, но сморщились и потеряли форму.

– Как же вы поедете? – Марина никак не хотела верить в то, что он сейчас уедет. – Вы же выпили, вас милиция остановит на шоссе. Права отберут.

– Да? – Он задумался, и у Марины появился небольшой шанс.

Обычно он не садился за руль выпивши, да он в России вообще за руль не садился, с водителем ездил. Но не оставаться же тут в самом-то деле! Спать в сторожке? А сторожиху куда? Или сторожиха... Э-э! Стоп! Она, надо признать, симпатичная тетка и хохотушка, эта Мальвина, но не надо до крайностей доводить. Как в страшной сказке: ты меня в баньке попарь, накорми и спать уложи... Исключено. А русских прав у него вообще нет, нечего отбирать.

– Вы носки не снимайте, оставьте, ботинки, должно быть, еще сырые внутри, – предложила Марина, щедро оставляя ему возможность вернуться, носки привезти.

Он вернется завтра, перед самым Новым годом, привезет носки, а еще ей корзину с фруктами и шампанским. И они нарядят елку, накроют на стол, зажгут свечи и встретят Новый год. Так всегда показывают в фильмах, глупых одноразовых фильмах, что крутят на всех каналах в новогодние каникулы. Так положено, так должно быть. На то она и сказка. На то и Новый год!

Он не стал спорить, сунул ноги в шерстяных носках в ботинки «оксфорд». Ботинкам, разумеется, от этого только хуже, ну да ладно, все равно выбрасывать. И брюки теперь выбрасывать, а они от костюма. Ну да леший с ними, могло быть и хуже. Мог тут совсем застрять, а у него с утра фуршет, а после обеда самолет в Лондон. Он захотел взять с дивана дубленку, но обнаружил, что на ней мирно разлеглась собака, которую они почему-то называют бараном. Он нерешительно потянул дубленку на себя, ухватив за рукав, и собака недовольно забурчала, неохотно освободила такую теплую и мягкую подстилку. На сырую дубленку клочьями налипла сиво-рыжая собачья шерсть.

Эх, леший с ними со всеми!

Он вышел из сторожки на улицу, глотнул свежего, чистого и хрустящего воздуха. Глотнул еще раз, расправляя легкие. В свете уличного фонаря снег искрился россыпью бриллиантов, кое-где слегка подпорченный свежими следами двух пар ног: сторожевых и Мальвининых. И захотелось обратно в детство, где можно тайком от тети Глаши есть снежки, представляя, что это мороженое. Где одной из самых больших зимних неприятностей была боль в языке, когда на спор лизнешь металлические качели. Захотелось остаться здесь, спрятаться от проблем, топить печку, носить валенки, есть моченые яблоки...

В спину резко ударило – с силой распахнул лапами дверь зверь по кличке Баран. И боль в спине уничтожила наваждение, вернула на грешную землю.

Он дождался грейдера, который выдернул из сугроба машину, поблагодарил Мальвину с широкой улыбкой. Денег предлагать не стал, почувствовал, что она обидится.

– С наступающим Новым годом. Спасибо, Мальвина.

Она решила, что ослышалась, что он сказал «Марина». Странно, откуда он узнал?

Он попрощался и уехал. Марина Львовна долго стояла на дороге, провожая взглядом тусклые светлячки габаритов. Улыбалась и верила, что он вернется.

Милиции на шоссе не было. Он приехал в гостиницу, позвонил тете Глаше, отчитался, что дом в целости и сохранности. Услышал в ответ, что молодец, хоть и буржуй. Потом со смехом рассказал о своем приключении жене, молодой, длинноногой и силиконовой.

– Смешная такая тетка с собакой. Сторожиha, должно быть. Они там вдвоем с каким-то дедком живут. Кажется, вдвоем во всем поселке. Представляешь, у них даже электричество с перебоями. И снег лопатой чистят. Но они такие передовые, виски пьют и балыком закусывают! Она мне дала ватные штаны поносить и валенки, пока мое сохло. И накормила. Я даже денег предложить не решился, вдруг обидится? Все-таки русские хлебосольный народ, добрый. С душой.

– Ты помойся хорошо, вдруг там вши или блохи в этой сторожке.

Жена даже не приревновала, узнав, что он снимал у какой-то тетки штаны. Только двумя пальцами выудила из ботинок шерстяные носки, поболтала ими в воздухе, фыркнула и отнесла в помойное ведро.

– Ботинки тоже выкини и брюки, – попросил он.

– Хорошо. А дубленку можно попробовать в чистку сдать.

– Я ее в аэропорту водителю отдам, пусть отчистит и носит.

Утром он побывал на фуршете, был улыбчив и приветлив. Выпил шампанского, заел кислой клубникой и тарталеткой с черной икрой, а после обеда улетел домой, в Лондон.

Марина нарядила елку, накрыла в доме на стол. Грейдер почистил хорошо, и с самого утра начали подъезжать машины, привозить любителей встретить Новый год на даче. Она уговаривала себя, что он, разумеется, не приедет, все она нафантазировала. Но на каждый звук проезжающей машины выглядывала в окно, а ближе к вечеру несколько раз выходила на дорогу, всматривалась в темную даль. Вроде бы просто так, ноги размять. В десять вечера она надела брючки, которые подтягивали живот, нарядную кофточку, пригласила Ивана Тимофеевича, и они встретили Новый год под телевизор, оливье и полусладкое шампанское. А Тимофеевич еще и к виски приложился, назвал самогоном. У горящего камина Баранкин весело катал носом объединенную говяжью кость.

А в двенадцать они вышли с бокалами на улицу, чокнулись около елки под бой курантов и загадали желания. Тимофеич загадал, чтобы еще годик протянуть и чтобы коленки не болели, а Марина – чтобы все было хорошо. Пусть даже ничего в ее жизни не прибавится, главное, чтобы не растерять того, что сейчас есть. И подумала про него, Кая, и пожелала ему счастья.

И он, выпивая в двенадцать бокал холодного, настоящего брЮта под бой Биг-Бена, вспомнил про вчерашнюю Мальвину и пожелал ей счастья.

А хеппи-энд? Как в фильмах, которые крутят по всем каналам в новогодние каникулы? Никакого хеппи-энда, по крайней мере на этот раз. Зима у нас холодная, долгая, темная, полгода почти зима.

Анастасия Манакова

We Three Kings¹

*Если пойду я и долиною смертной тени,
Не убоюсь зла, потому что Ты со мной...*²

Золотое марево висело над раскаленной улочкой, переливалось оттенками, издавало тихие звуки, похожие на стрекот ночных сверчков. Издалека Юзефу казалось, что облако жидкого золота – живое. Что оно, подчиняясь какой-то хаотичной внутренней силе, совершает ленивые движения взад-вперед, раскачиваясь, расплескиваясь, словно мед, жидкими брызгами – то лужицей в пыли дороги, то солнечным зайчиком на воротах дома, то стекая по белой стене маленького, давно не крашенного костела причудливыми пятнами и линиями.

Юзефова сестра Бронька в подоткнутой мокрой юбке, тяжело покачиваясь, вышла из ворот с корытом мыльной воды, выплеснула воду прямо в середину дороги. Из-за приходского двора, оглядываясь по сторонам, вышел ксендз Немировский в наглухо застегнутом помятом костюме и шляпе, натянутой в этот теплый день до середины ушей, быстро глянул на чумазого Юзефа, сидящего в тени куста, оглянулся на Броньку и поклонился, как говаривал их покойный отец Адам, «бровями». С начала лета, когда в город вошли оккупанты, ксендзу пришлось научиться держать лицо и, как говорит Бронька, «держаться за Бога двумя руками». В первый же день оккупации на двери костела повисла белая бумажка за подписью коменданта и печатью двух мертвых голов, гласившая о том, что любая просветительская деятельность «в национальном духе» будет караться смертной казнью. Службы прекратились, хор мальчиков, особая гордость отца Немировского, был распущен, воскресная школа закрыта, и все, что оставалось делать в эти странные времена, – молиться за закрытыми дверями в темных домах. Единственное, с чем никто не знал что делать, – это природа, смерти и рождения, безостановочный цикл жизни, который не прекращается ни на день. Отец Немировский надевал свой старый городской костюм, прятал под рубашку требник и четки, натягивал на голову шляпу и, оглядываясь ежесекундно, шел туда, где был нужен, – крестить, соборовать, отпевать.

– Пан Немировский!.. – Бронька тяжело распрямляется, держась руками за поясницу, расставляет свои крепкие ноги, облитые солнечным светом так, что кажутся двумя колоннами. – Дайте ж мне белье, что ли? Я бы постирала, что вы ходите весь пыльный, как я не знаю кто.

Ксендз замирает и всматривается в даль, в мелко дрожащий горячий воздух на горизонте. Где-то там железнодорожная станция, и каждый час тишину разрывают гудки идущих составов, которые ворвались в жизнь города в один день и с тех пор идут безостановочным потоком. Что за груз в этих составах – пока не знал никто, но ксендз каким-то образом чувствовал, что ничего хорошего городу это не сулит. Ни городу, ни ему, ни его такой разной пастве, ни миру в целом ничего хорошего не сулили эти составы, эти звуки, этот запах машинного масла и горящего в топках угля, скрип кожаных сапог, колонны мотоциклов, эти люди, которые вошли на улицы чеканным шагом. В подвале закрытого на амбарный замок костела уже сидели несколько неугодных новому режиму человек. Каждый раз, пробираясь ночью по мощеному двору с мешком скудной пищи в руках, воровато оглядываясь через плечо в гулком отзвуке собственных шагов, ксендз Немировский думал о том, что самое тяжкое в пастырской службе

¹ Название рождественского гимна.

² Псалом Давида (22:4).

– это, пожалуй, не страх быть убитым, а страх не суметь уберечь то, зачем Господь вообще призвал на эту землю каждого из своих слуг. Страх не справиться с этим долгом довлел над ним, и это приводило его в отчаяние.

– Нет, пани Броня, спасибо. Не хочу утруждать вас, – улыбнулся он, поправил галстук под воротничком и пошел вверх по пустой улице, сутулясь так, как будто не 31 год был ему, а все 70.

– Блаженный какой-то, Езус Мария, – буркнула Бронька, подняла корыто и рывкнула на Юзефа: – А ты что сидишь?!.. Дел нет никаких больше?.. Иди помоги, бездельник.

Юзеф дернул плечом, отвернулся и демонстративно принялся кидать мелкие камушки в стенку. Камушки отскакивали, с нежным шорохом ссыпались в траву, постукивая друг о друга. Бронька махнула рукой и скрылась за воротами.

Черный камушек отскочил от стены, ударил прямо в середину золотистой лужицы солнечного света в белой пыли дороги. Она внезапно зашевелилась и поднялась с земли ослепительным роем трещащей золотыми крыльями мошкары. Рой на минуту завис как будто в середине воздуха – между белой землей и горизонтом, затем вздрогнул и устремился вверх по улице.

Юзеф стоял и смотрел, как далекая фигурка, почти растворившаяся в зыбком воздухе, бредет навстречу черным мотоциклам, а над головой ее сияет и переливается живое золотое облако.

* * *

– Бронька!.. Бронька!.. Где штаны мои?..

– Какие штаны, наказание господне?..

– Те, что ты стирала вчера?.. Красные!..

– Зачем тебе красные штаны, ирод?.. Ты что, к цыганам собрался?

Хлопья мыльной пены летят по всей кухне, повторяя причудливый танец снега за окном. Юзеф подпрыгивает на одной ноге, зябко ежась в исподнем, – пока бегал от сестры и мочалки, врезался сначала в дидух³ на столе, потом в печь, потом в елку, наколосился и начал чертыхаться. Бронька, не оборачиваясь, свободной от теста рукой отвешивает подзатыльник – ах ты ирод, только нехристь черта поминает накануне светлого Рождества Христова. Бронька – она такая. Вся в мать – строгая, хозяйственная, крепкая, во всем у нее должен быть порядок, все на своем месте, включая это самое наказание господне, братца. Иногда Юзефу кажется, что если бы она могла, то сначала два дня стирала бы его, как свои любимые простыни, потом выбеливала, выкрахмаливала, выглаживала бы до сухого скрипа острых сгибов, перекладывала бы лавандой и засовывала, сурово сдвинув широкие черные брови над холодными синими глазами, в большой резной шкаф. И еще кулак показала бы – лежи, мол, не шевелись тут мне. Зря, что ли, сил столько потратила. А он что, он лежал бы – рука у Броньки тяжелая, а характер паршивый, не зря уже двадцать, а она так все в девках сидит. Какой дурак на такой ведьме женится? Хотя все говорят, что Бронька красивая – волосы белые-белые, как льняная скатерть, все в куделях, как у овечки. Но вот характер паршивый, что правда, то правда.

– Что ты пляшешь, ирод? Иди макогон бери и мак тереть начинай!..

Юзеф обреченно вздыхает, тайком утирается углом скатерти и тащится за макитрой. Мак тереть – ненавистное занятие, потому что растереть его нужно в жижу, медленно и вдумчиво, по чуть-чуть досыпая сахару в черную, как смола, маковую кашу. Считается, что тереть мак

³ Небольшой декоративный сноп из колосков разных злаков. Ставится в угол праздничного стола, символизирует достаток в доме. Иисус родился в Вифлееме, что в переводе означает «дом хлеба», отсюда берет начало традиция ставить в угол рождественского стола дидух или вазу с колосьями пшеницы.

для рождественских завиванцев⁴ и кутьи – исключительно мужская задача. У женщин полно своей работы в последний вечер Адвента – дом украсить, елку поставить, положить под нее подарки для семьи, приготовить постный стол на Вигилию⁵ и Гвяздку⁶, приготовить заранее пироги и мясные блюда на следующие дни праздника. Мужчины собираются в доме и за долгими беседами трут мак для рождественских угощений, пока вокруг бегают дети, умоляя «дать лизнуть макогона».

Но после смерти родителей их с сестрой осталось только двое, никаких других мужчин в доме нет, поэтому святая маковая обязанность лежит на нем. Вот и приходится долго-долго, пыхтя и сопя, тереть мак, пока Бронька не сунет в сладкую кашу палец и не останется довольна.

Зато после – это Юзеф знает точно – можно быстро натянуть пальто и сбежать на заснеженную улицу, по которой уже потихоньку пробираются маленькие фигурки от дома к дому, разнося последние подарки родне и завершая приготовления. Юзеф упорно трет мак и думает о том, что уже скоро выскочит за дверь так быстро, что Бронькин половник не успеет достать его макушку, натянёт на крыльце сапоги и побежит к самому своему лучшему другу – докторовой дочке Мирке. Только Мирка не смеется над ним и не считает дурачком, она-то знает, что Юзеф просто не любит разговаривать, но любит слушать, поэтому слушать Миркины истории, вычитанные в толстых книгах, которыми набит кабинет ее отца, – одно из самых его любимых занятий. Несмотря на то что доктор и его жена с дочерью в костел не ходят, Мирка любит волшебное рождественское время. И уж она точно самый большой мастер рождественских историй – с такими деталями и подробностями, что дух захватывает. И перед глазами становится картинка – как в темном хлеву, сияя мягким светом, лежит в люльке младенец, согриваемый теплым дыханием осла, растерянный Иосиф пытается разжечь костер, а рядом стоит рыжая, конопатая Мирка и восторженно смотрит в глубь времени своими огромными янтарными глазами.

Юзеф успевает выскочить во двор в тот момент, когда сестра еще только тянется к венику – дать ротозею поперек спины, и, скосив на прощание глаза, несколько секунд приплясывает на пороге, впуская в дом длинные языки снежного ветра.

Бронька опускает руку с веником и вдруг начинает громко, заливисто хохотать, всхлипывая и утирая слезы. Нет сладу с этим мальчишкой. Но до чего ж он похож на их отца – такой же молчаливый, твердолобый, как маленький упорный бычок. Как решил – так и будет. И одновременно сколько в нем мягкой силы от матери! Броньке иногда кажется, что он сильнее ее самой, «солдата Броньки», как в шутку называл ее отец.

Она вздыхает, кладет в середину стола охапку душистого летнего сена и накрывает его белоснежной крепко накрахмаленной скатертью, раз за разом задумчиво разглаживая ее ладонями, пока поверхность не становится идеально ровной. Ставит свечу, расставляет миски, ставит поминальную тарелку – в нее Юзеф, единственный мужчина в доме, будет откладывать по ложке от каждого праздничного блюда. Вилки и ножи завернуты в полотенце и убраны в посудный шкаф – в Вигилию принято ставить стулья и тарелки для тех членов семьи, кого уже нет, и убирать острые предметы – чтобы никто из них не поранился. Она придвигает во главу стола старое отцовское кресло и рядом ставит стул, на котором мать провела столько времени за шитьем, накидывает на него ветхую цветастую шаль. Ставит рядом со столом традиционное ведерко – для домашнего скота. Пять минут стоит, задумчиво глядя на фотографию на стене: мать в кремовом платье с высоким воротничком положила руку на плечо отца в старомодном коричневом костюме, ее непокорные кудри стоят прозрачным нимбом над головой.

⁴ Витой маковый рулет из дрожжевого теста.

⁵ 24 декабря, навечерие перед Рождеством, во время которого проводится первая рождественская литургия в костелах. Вигилийным ужином заканчивается предвещающий праздник пост.

⁶ «Звездочка» – появление первой звезды на ночном небе, символизирующей Рождение Младенца. После встречи Гвяздки, по возвращении со службы люди садятся за стол.

Рядом нахмуренная голенастая Бронька в дурацкой соломенной шляпке и маленький ушастый комочек в чепчике и крестильном платьице смешно растопыривает ручки.

Она идет в комнату, опускается на колени и начинает шепотом молиться. Матери, которая ждет своего Сына, Сыну, который несет в мир любовь, за всех сыновей и матерей, которые ушли и еще придут. И за брата. И за себя. И за этот тихий город, за сумерки Рождества, которые начали опускаться на землю вместе с густым снегом, за огни, которые начали зажигаться, за людей, которые идут на службу и смотрят в небо и ждут появления звезды.

«Сердце Марии, благословенное среди всех сердец человеческих, молись за нас.

Сердце Марии, со Спасителем на кресте распятое, молись за нас.

Сердце Марии, благодати полное, молись за нас.

Молись за нас».

* * *

– Господи, а жалостливый он какой. Хромой, кривой, слепой, глухой. Что делать-то будем?

– Ну я даже не знаю. Любить, наверное.

* * *

В дверь постучали так, что Юзеф подпрыгнул на кровати, стукнулся об изголовье и буквально скатился с нее. Выбежал в кухню и увидел бледную Броньку в ночной рубаше, крепко стиснувшую руки под материнной шалью. Они переглянулись. Бронька замотала головой – мол, не смей! Не вздумай открывать! Я тут старшая! Но Юзеф так же молча кивнул головой – я мужчина. Я открою.

Майская темнота была сокрушительно непроглядной, но, когда глаза немного привыкли, Юзеф разглядел у порога пана Казика, помощника ксендза Немировского. Он был бледен, руки тряслись, и белые манжеты рубашки, виднеющиеся в рукавах пиджака, танцевали, как ночные мотыльки. «Что-то случилось», – сразу поняла Бронька, отодвинула брата, вытянула в темноту обе руки и силком втащила ночного гостя в дом. Потом выглянула, покрутила головой, вслушалась в тишину и аккуратно закрыла дверь.

В кухне она усадила Казимира за стол, открыла посудный шкаф, достала бутылку крепкой сливовой настойки, налила до краев стакан и молча поставила перед ним. Он взял стакан и, стуча зубами о стекло, стал пить крупными глотками.

– Немировского забрали, – наконец выдохнул он в пустой стакан и посмотрел на Броньку.

Она достала из шкафа всю бутылку и поставила ее в середину стола.

– Кто забрал? – спросила, разглаживая руками невидимые складки на скатерти.

– Гестапо, – ответил Казимир и заплакал.

– За что забрали?..

– За то, что отказался облачение снимать. Я совершенно не знаю, что делать, пани Бронислава. Завтра придут за мной. Все знают, что я прислуживаю на литургиях и по-прежнему веду катехизацию. Кто-нибудь им укажет.

Бронька встала и принялась мерить шагами кухню. Потом остановилась, обняла себя двумя руками и о чем-то надолго задумалась – Юзефу даже пришлось ткнуть ее пальцем. Она вздрогнула, взглянула на брата невидящими глазами и вдруг стремительно вышла из комнаты. Через пять минут вернулась с бумажным свертком в руках и положила его на стол рядом с бутылкой.

– Тут деньги, которые мы с братом скопили, их немного, но вам должно хватить на дорогу. И четыре русских рубля золотом, отец нам оставил. Бегите, пан Казик, бегите прямо сейчас. И не оглядывайтесь. И не возвращайтесь.

Через час, нагруженный одеждой покойного Адама Возняка и едой, собранной руками его дочери Брониславы, пан Казимир Заремба уходил из города берегом реки Солы. Он направлялся в Краков, чтобы добраться до Варшавы.

Юзеф лежал без сна, вглядываясь в темноту, как будто в ней должны загореться алые письма, все объясняющие.

В бывшей родительской спальне на коленях стояла Бронька и плакала, прижимая горячий лоб к прохладному кованому боку кровати.

«Сердце Марии, скорбящим утешение. Молись за нас».

* * *

После службы Юзеф все никак не мог выбраться из костела – нарядная Бронька успевала одновременно и целоваться с соседями, и болтать с подругами, и строить глазки усатому Войтовскому, и одновременно с этим крепко держать брата за подол пиджака, чтобы он не удрал вместе со своими друзьями Яцеком и Войцеком.

Юзеф топтался на месте, перебирая ногами, как резвый конь, и тоскливо поглядывал на дверь и ксендза Немировского, возвышающегося над толпой прихожан в своем ослепительно-белом одеянии. Скорей бы уже закончилась к нему толпа поздравляющих, тогда и Бронька подойдет поцеловать руку, а это значит, что она разожмет свои цепкие пальцы, и он сможет выскользнуть на улицу, где наверняка его уже ждет Мирка. Наконец люди начали расходиться по домам, радостные и одухотворенные, с улицы слышались первые песни и звонкий смех, Бронька ослабила хватку, но на ее скуластом лице под сурово сведенными бровями явственно читалось: через полчаса чтобы был дома.

Юзеф вывалился из костела в облаке теплого воздуха и сразу увидел Мирку в ее смешной лохматой шубке, высоких ботиках и кокетливой бархатной беретке на рыжих тугих кудряшках. Она держала в руках огромный бумажный пакет, доверху набитый блестящими глянцевыми апельсинами, и, радостно смеясь, вручала каждому выходящему в церковный двор.

Последний апельсин достался Юзефу, и он тут же начал его есть, не дочистив до конца, выедавая солнечную мягкость прямо из горьковатой шкурки.

– Фу, ну и манеры!.. – расхохоталась Мирка и ткнула его в бок острым кулачком. – Ты ешь как дикарь с острова Борнео!..

Юзеф засунул в карман пальто апельсиновые корки – Броньке потом в хозяйстве сгодится, отбежал на несколько шагов, слепил снежок и кинул в нее.

– Ах, так!.. – взвизгнула Мирка. – Ну ладно же, пане, не знаешь, с кем связался!..

Через пятнадцать минут, вдоволь накидавшись друг в друга снегом, они лежали в сугробе, раскинув руки, и смотрели в небо.

– Знаешь, когда вырасту, уеду и стану писателем. Или врачом, как папа, – сказала Мирка, накручивая на палец завиток волос.

– У тебя получится писателем, – сказал Юзеф и вытер рукавом пальто нос. – Истории рассказываешь – закачаешься.

– А ты?

– А я не знаю.

– Смотри, Юзеф, – вдруг сказала Мирка и положила голову ему на плечо. – Взошла ваша звезда.

Дома они уселись за стол, Бронька протянула брату спички, улыбнулась и накрыла его ладонь своей. Юзеф зажег свечу, они преломили оплатек⁷ и стали праздновать Рождество в тишине и молчании.

Над городом светила звезда, протягивая лучи к серебристым сахарным крышам. Из труб струился дым, где-то вдалеке лаяла собака. В сугробе рядом с домом доктора, в снежном отпечатке двух тел, осталась лежать бархатная беретка и чуть поотдаля – апельсиновая корка, похожая на завиток волос.

Перед сном Бронька долго прислушивалась к звукам в доме – казалось, что в тишине слышно негромкий говор, басистое бурчание и тихий мелодичный смех. Немного потянуло табаком.

Она улыбнулась, закрыла глаза, проваливаясь в дрему. Кажется, родители остались довольны.

* * *

- Я не поеду.
- Надо ехать. Надо срочно убираться.
- Я не поеду, это мой дом.
- Это и мой дом, Езус Мария, собирай свои вещи и помоги мне.

Их выселяли. Выселяли очень быстро. Буквально сразу, как только в город пошли первые составы, стало понятно, что опасения были не напрасны, – немцы забрали военные казармы под концентрационный лагерь, и в нем практически сразу появились пленные. Слухи о нем ходили страшные – один страшней другого, но подлинно никто ничего не знал – к лагерю было запрещено подходить под страхом расстрела. Редкие горожане, попавшие по приказу в него работать, не просто ничего не рассказывали, а вообще оборвали все связи с соседями. Все, что было известно, – что туда привезли откуда-то измученного, непохожего на себя ксендза Немировского, а потом за одну ночь вывезли всех евреев, живших в городе. Тех, кого не успели расстрелять сразу.

Теперь главный упырь, как называла их Бронька (и сразу крестилась), приказал лагерь расширить и забрать под его нужды практически весь город вплоть до Бжезинки.

Бронька с Юзефом держались за родительский дом до последнего – благо он был практически у черты города, но, когда Броньку вызвали в комендатуру и брезгливо приказали убираться, она не стала спорить – жить-то хочется. Прилетела она назад со скоростью ветра и начала бросать вещи в мешки.

- Нет.

Бронька грохнула на пол кастрюлю, съехала по стенке и заплакала.

Юзеф выскочил во двор и почти сразу замер – от ворот к дому ленивым шагом, поскрипывая сапогами, шли два высоких немца в серой форме «мертвых голов». Ему показалось, что воздух вдруг закончился, и тишина стала оглушающей, такой оглушающей, что барабанные перепонки не выдерживали напряжения. Сзади в плечо вцепились пальцы и сжали до боли. За воротами в середине улицы виднелась большая крытая машина.

- Юзеф Возняк?.. – так же лениво поинтересовался один из них.
- А в чем дело? – севшим голосом спросила за его спиной Бронька.
- Никаких вопросов, – ответил второй и снял с плеча автомат.

В этот момент Бронька поняла – кто-то видел, как ночью Юзеф провожал до берега Солы пана Казика, и этот кто-то донес, решив, что мальчик выводил беглого еврея.

⁷ *Oplatek* – пресный хлеб, символизирующий тело Христово. Обычай преламывать оплатек с близкими людьми является важнейшим моментом Вигилии в Польше.

– Не смейте!.. – закричала она и выскочила вперед. – Не дам!.. Ему тринадцать лет, он ребенок!..

«Мертвоголовый» равнодушно ударил Броньку кулаком в лицо, и она беззвучно рухнула в пыль как подкошенная. Юзеф бросился на него. «Мертвоголовый» усмехнулся и ударил пер-вым.

Последнее, что Юзеф видел перед тем, как его бросили в набитую людьми крытую машину, – Бронькина безжизненная нога в одном чулке и ботинок, лежащий рядом.

Потом свет погас.

* * *

Это место – совсем другое. Улица большая, дома огромные. Здесь холодно, так холодно, что зубы начинают выбивать дробь уже через минуту, сырой ветер пробирается сквозь одежду прямо под кости, минуя кожу. Юзеф разворачивается и плетется домой, едва переставляя пока-леченные ноги по скользкому льду. «Поменьше» наклоняется и спрашивает:

– Ты замерз?

Лица ее почти не видно в снежном мельтешении, в сизых сырых сумерках. К тому же Юзеф почти ослеп, оглох на одно ухо и мерит мир тенями разных размеров, остатками запа-хов, остатком звуков и неуловимыми его глазам движениями. Он вздыхает и втягивает почти замерзшие сопли.

– Горе луковое, – говорит «Поменьше», крепко берет его под мышки и перекидывает через плечо. – Пойдем, отнесу тебя, раз сам идти не можешь.

Войдя в дом, она долго топает модными вышитыми валенками, сбивая снег, сажает Юзефа на лавку. Он сидит и ждет, пока она закончит длинный ритуал собственного разобла-чения от одежды и примется раздевать его. Покорно опускает голову, пока «Поменьше» стас-кивает с него куртку, поднимает, всматривается в ее лицо почти невидящими глазами.

– Ну что?.. – спрашивает «Побольше», выглядывая из кухни, отирает о передник руки, испачканные мукой.

– Да ну что, погуляли вот. Три минуты. Слишком холодно для него.

Загребая воздух хромыми ногами, Юзеф входит на кухню, садится на пол, привалившись к теплому боку плиты.

– Шел бы ты отсюда, – говорит «Побольше», гремя посудой. – Что за манера сидеть у плиты?.. А если я наступлю на тебя?.. А если упаду?..

Юзеф виновато пучит на нее глаза, но от плиты не уходит. В доме начинает пахнуть едой, и в это время его ничем не заставишь покинуть свой теплый пост.

– Мама!. – кричит из комнаты «Поменьше». – Завтра буду полено печь!.. Сегодня не буду!.. Ночью на службу уеду!..

Юзеф оглядывается на «Побольше» и вытягивается у плиты в полный рост, прислоняясь к ней всем собой. Постепенно становится тепло, живой жар проникает в измученное тело тон-кими струйками, растекаясь по мышцам и костям, наполняя его, словно золотистое облако. Запах теста, тонкий запах вина из открытой бутылки, запах снега и машинного масла из при-открытого окна, запах еловых лап в вазе и мандаринов в большой прозрачной миске. Он про-валивается в сон постепенно, словно в яму мягкого матраса, плывет, покачиваясь, в облаке запахов и тепла от горячей плиты, постепенно теряя картину этого мира, и вот уже облако пахнет теплой пылью, золотистой мошкаррой, одуванчиками.

«Поменьше» садится на кухонный табурет, вытаскивает зубами длинную тонкую сига-рету из пачки, задумчиво смотрит на него, выпуская дым в потолок.

– Интересно все же, что там в этой головенке, правда?

– Мы ничего не знаем о его жизни, наверняка тот еще ящичек Пандоры.

– Безусловно, но все же он хороший пес. Сильный.

– Хороший.

– Интересно, он нас полюбит?

– Не знаю. Но мы его точно полюбим.

– Господи, как же он прожил все эти годы в приюте, в таком страшном особенно, я не могу понять, ведь в лагерях практически. Я вообще не могу понять, как можно бить собаку, особенно такую маленькую собаку, как рука может подняться.

– У него хорошая природа. Крепкая, сильная. Смотри, сколько лет, как его покалечили и испугали, а он все пережил.

– Это да. Слушай, нам надо его как-то назвать. Переменим судьбу. По-моему, он похож на Достоевского. Хотя нет, скорее на Бродского.

– Давай назовем его Иосиф? Нужно дать ему хорошее, правильное имя. Невозможно с такой унижительной кличкой существовать.

– Иосиф Прекрасный или Иосиф Мудрый?.. А может, Иосиф Аримафейский. Хотя скорее Юзеф. Мне кажется, это больше всего подходит.

* * *

«Поменьше» берет мандарин, задумчиво чистит, пуская кожуру между пальцев тонкой спиралью, ест его, выплевывая косточки в сжатый кулак. Кусочек кожуры обрывается и падает под стол, остается лежать в углу под ножкой, и, когда «Поменьше» выскакивает из квартиры, как всегда хлопнув дверью, а остальные засыпают, Юзеф прокрадывается на кухню. Долго, шумно нюхает мандариновую корку, пытаясь вспомнить. Но почему-то вместо ясного воспоминания приходят только волнистые линии и тонкий запах волос. Почему-то вспоминается рыжий завиток и ярко-белый. Почему-то ему кажется, что так пахнут девочки-подростки – мандаринами и медной проволокой. А девушки пахнут по-другому. Крахмалом и лавандой. «По запаху. По запаху найду», – думает Юзеф.

Он шумно вздыхает последний раз, перекладывает корку из-под стола в «гнездо» – соседнее от того, в котором спит Старшая Собака, и, прихрамывая, утягивается вдаль по темному коридору. Спать.

Где-то среди ярких огней ночного города «Поменьше» обнимает пальцами четки среди разноязыкой толпы разноцветных городских католиков. Хор поет, плавится и потрескивает в тишине торжественно освещенного храма воск свечей. Священник провозглашает, что Младенец родился, и люди начинают смеяться, плакать, обнимать друг друга, держаться за руки.

Улыбчивые иностранцы на заснеженном до крыш Невском похожи на стаю ярких птиц, принесенную неожиданным ветром из разноцветных стран – жарких, пахнущих сандалом и миром, гвоздикой, дикими мелкими розами. Они тихо что-то обсуждают, склонившись над картой, рядом кучей свалены огромные рюкзаки, сумки, пакеты. Модно стриженный седой мужчина что-то доказывает невесомому даже под ворохом одежды субтильному старику-китайцу, махая рукой вдоль проспекта – туда, где огни сливаются в сплошную линию. Гибкий темнокожий юноша, похожий издали на молодого Уилла Смита, мерзнет, постукивая себя по бокам ладонями в варежках, любопытно крутит головой, всматриваясь в лица прохожих. В темноте улыбка его сверкает даже на фоне искристого снега.

«Поменьше» улыбается и прячет провода наушников под шарф.

We three kings of Orient are⁸

⁸ Рождественский гимн авторства преподобного *Джона Генри Хопкинса* (1820–1891 гг.), служителя епископальной церкви, штат Пенсильвания.

Bearing gifts we traverse afar

Наконец они разбираются в карте, взваливают на себя вещи и неторопливо уходят, немного пригибаясь под тяжестью груза. Впереди идет старик, торжественно неся в руках свернутую карту, за ним канадский лесоруб – в профиль становится видно, что на щеке, под левым глазом, у него татуировка маленького якоря. Юноша идет последним, высокий и стройный, будто на нем нет ни тяжелого рюкзака, ни слоев теплой одежды. Белые кроссовки не оставляют следов в снегу, как будто он его вообще не касается. Проходя мимо, услужливо открывает дверь такси, делает знак рукой: ну что ж вы, мисс?.. Прошу вас.

Field and fountain, moor and mountain
Following yonder star

* * *

Над длинным городом стоит яркая звезда. Один луч ее направлен в небо, второй – в крышу дома, под которой, свернувшись калачом, спит собака.

На Большеохтинском кладбище, на каменной лавочке у гранитного памятника в виде большой раскрытой книги, стоит бутылка домашней сливовицы, лежит кусок макового рулета в коричневом крафтовом пакете из модного бара, стоят две граненые рюмки. Маленькая хрупкая Юлька подпрыгивает от холода – очень зябко и страшно ей среди могил в коротком пуховичке, кроссовках и узких джинсах. Не зря она шапку хотела надеть, но как всегда забыла. У Йоса – традиция. Каждый год на католическое Рождество он перекидывает Юльку через забор кладбища напрямик в сугроб, подтягивается сам и сидит час на могиле бабушки, выставив Юльку прыгать от холода за ограду. Что-то говорит, чертит пальцем непонятные слова на белом инее, покрывающем гранит, смеется, песни поет. Рулет каждый год сам печет, три часа перед этим мак перетирает в ступке пестиком. Никому не доверяет эту работу.

Бронислава Адамовна. Говорят, с окраин Освенцима уходила вместе с советскими войсками, которые шли освобождать лагерь. Вышла замуж за офицера Красной армии, уехала в Советский Союз и всю жизнь работала в детском доме. До директора дослужилась. Юлька ее не застала, но суровая была женщина, судя по фотографиям, – белые пушистые волосы кудрявым венчиком над высоким лбом, суровые темные брови, сведенные к переносице, пронзительные синие глаза.

Юлька вздрагивает и начинает подпрыгивать выше. Ей совсем невозможно представить, каково это – жить рядом с лагерем. Под черным небом. Под черными облаками из труб крематория.

В старой, дребезжащей всеми частями машине такси «Поменьше» стягивает теплую шапку, стаскивает с запястья резинку, собирает волосы, откидывает голову назад и думает о том, что этот тяжелый год наконец закончился.

Westward leading, still proceeding
Guide us to thy perfect light...

* * *

– Юзеф!.. Юзеф!.. – Войцек кричит издалека, бежит, придерживая рукой порванный ворот у горла.

– Что случилось?... Что ты орешь, ненормальный?... – Бронька вырастает на пороге, как каменная стена. Войцек с разбега бьется головой о высокую грудь под белой вышитой рубахой и застывает, шумно дыша, уперев руки в колени.

– Пана доктора... Стрелили... Мирку забрали... Докторшу...

У Юзефа подкашиваются ноги, и он почти падает, цепляясь за стену. Бронька беззвучно открывает рот, как рыба, пытаясь поймать легкими воздух, но ей это никак не удается, закрывает лицо ладонями. Пан доктор принимал ее, Броньку, на свет божий. И Юзефа. А потом провожал их родителей.

К тому моменту, когда она успевает добежать до докторова дома, во дворе пылают костер из книг. Соседи выбрасывают через окно вещи, деловито вполголоса обсуждая, где чья куча, кому достанется Миркин аккордеон, кому достанется докторшина австрийская посуда.

На самом пороге – ногами на улице, головой на камне, неестественно вывернув длинные руки, лежит пан доктор. Из-под воинственно завитых усов стекает тонкая струйка крови, заливая белую рубашку и желтую звезду, нашитую на отворот франтоватого пиджака. Вопреки приказу – не на рукав. Один коричневый, невидящий глаз смотрит в небо, второй выбит, из ноги торчит сломанная кость.

В середине улицы, рядом с длинной колеей шин грузовика, лежит одинокая крошечная митенка нежно-лилового цвета. Юзеф знает, чья она.

Он садится на корточки, утыкается лицом в бронзовые от загара сестринские колени под подоткнутой юбкой, и тихо скулит.

* * *

– Выходить!... – слышит Юзеф сквозь беспмятство резкий выкрик.

Чьи-то руки мягко трясут его, быстрыми пальцами ощупывают голову. В небытии ему кажется, что это руки сестры, он тянется к ней, зовет: «Броня, Броня».

– Бедный мальчик, – шепчет в темноте хриплый молодой голос, – очнись, очнись скорее, иначе будет хуже.

– Да бросьте вы, Петр, оставьте, нужно выходить немедленно, нас же убьют.

Легкая рука тормозит нетерпеливо – давай, давай. Темнота перед глазами начинает рассеиваться, появляется точка света, растет, становится кругом, все шире и шире, в один момент с громким хлопком круг становится огромным, и на Юзефа обрушиваются свет, звук, движение. Он видит перед собой спины людей, которые прыгают по очереди куда-то вниз и исчезают. Склоненный над ним молодой белозубый парень улыбается – «молодец», давай!

Юзеф, цепляясь ватными руками за дно, встает и, согнувшись, выпрыгивает из машины, не удержавшись, падает. Рядом слышен удар ног о землю, и те же руки подхватывают его, резким рывком поднимают вверх.

– Нельзя задерживаться, иначе тебя искалечат или убьют. Вообще ничего нельзя себе позволять, ни секунды слабости, – шепчет невидимый пока Петр и подталкивает его вперед тем же движением, что Бронька подталкивала его к умывальнику в детстве, – двумя острыми пальцами между лопаток.

Юзеф поднял голову и видит молчаливую колонну мужчин разного возраста, колючую проволоку и парящие в воздухе будки часовых.

Колонна вздрогнула от резкого окрика и двинулась вперед. Юзефа толкнули, и он буквально потерялся в этом марширующем потоке, а поскольку рост не позволял смотреть вокруг, единственное, что ему было видно, – спины товарищей по несчастью. За ними с грохотом захлопнулись огромные железные ворота, и невидимый, но ощущаемый Петр невесело и тихо усмехнулся:

– Конечно, именно работа сделает нас свободными.

Когда они вошли в барак, Юзеф на секунду решил, что снова ослеп или потерял сознание, – такая непроницаемая темень в нем царила. Но глаза почти сразу привыкли, и в тусклом свете, струившемся из слепых грязных окон, он смог рассмотреть длинные, уходящие в даль барака трехъярусные шеренги полок («Для чего здесь полки?..») и какое-то неясное колебание вокруг них. Как будто в проходе, возле каждого нижнего ряда стояли какие-то призрачные... кто?... растения?... деревья?... и какой-то невидимый ветер качал их из стороны в сторону.

Юзеф обернулся и отскочил от двери барака, неумышленно сделав то, чего никогда в своей короткой жизни не позволял себе, спрятавшись за спину Петра. Какие-то неясные тени, плоские призрачные фигуры в полосатых одеждах, заглядывали в двери барака, колыхались на пороге. Лица их были грязны, изможденные и напоминали не человеческие лица, а маски – то ли неожиданно страшного Гвяздора, то ли козлоногого австрийского Крампуса.

«Езус Мария!.. – Бронькиным голосом проносится в его голове мысль. – В какой же темный лес занесло Ханселя без Гретель».

В детстве это была их любимая сказка. Правда, уже в середине истории относительно взрослая Бронька начинала хохотать и дразниться, что нормальный парень сразу бы домик сломал и съел. А бабушку поколотил. Но ничего, если бы это была история про них, то тут все наоборот – нормальная здоровая девка сломала бы домик и отходила бабушку кочергой, пока ее сопливый братец доедает марципановое крыльцо. И так она была убедительна в этом задорном хулиганстве, что Юзеф вырос со звонким ощущением победы – навсегда, вопреки всему и во всем. Во-первых, он и сам кого угодно поколотит, а во-вторых, у Броньки лютая рука.

Внезапно в бараке стало светлее, и Юзеф с кристальным ужасом понял, что все эти тени – люди. Изможденные, измученные, ломкие и сухие, как прошлогодняя трава. Лысые головы, черные глазницы, синие щеки, руки, живущие отдельной от тела жизнью.

Люди колыхались в проходах, люди заглядывали в дверь барака – в их глазах он читал одновременно ожидание, ужас и надежду. Уже потом, спустя время, ему наконец стал понятен этот смысл – ужас встретить кого-то из родных, близких, знакомых; ожидание того же – увидеть хоть одно родное лицо; надежду – вопреки всему.

– Ну что, свиньи?... – загрохотал из самого дальнего угла голос и каменным эхом покатился по проходам между. – Жрать небось хотите?... Только устроились с комфортом, а уже жрать хотите?... Все вы одинаковые, чертовы свиньи. Ленивые, грязные, ни на что не годные, позор человеческой породы. Так вот!.. Жрать вы будете, когда заработаете!.. Потому что только работа делает человека свободным и сытым!

За спиной Юзефа что-то шевельнулось, и он едва заметным движением обернулся назад. Высокий тощий человек в полосатой робе стоял, обессиленно привалившись спиной к стене барака, и длинными ногтями медленно-медленно чесал грудь под рубахой. Весь рукав был покрыт шевелящимися черными точками.

«Вши», – подумал Юзеф. Вшей он в своей жизни не видел никогда – только на картинке в одной из толстых книжек пана доктора.

– Так-так, – грохотал все ближе каменный голос, – что это у нас тут?... Профессор!.. Здравствуйте, профессор, думаю, что очки вам тут больше не потребуются, потому что с сегодняшнего дня вы будете изучать исключительно науку чистки выгребных ям!..

Раздался удар – так звучит удар топора о дерево, вскрик и звук падения тела.

– Не бойся, мальчик, – вдруг услышал он шепот слева. – Ничего не бойся.

Твердые мозолистые пальцы коротко сжали локоть и отпустили.

– Отец, – зашипел кто-то рядом. – Вы нас всех погубите.

– Он нас не слышит. А мальчику страшно.

– Мне не страшно, – прошептал Юзеф и почувствовал, как по затылку бегут крупные капли холодного пота.

– Если капо⁹ услышит, вы прекрасно знаете, чем это кончится!.. – задыхался от страха другой человек, и Юзеф подумал, что такой голос может быть только у маленького, круглого, суетливого толстячка в жилетке, с которой свисает длинная часовая цепочка.

– Строиться!.. – прогрохотал уже совсем близко Каменный Великан, и толпа покорно развернулась, устремившись к выходу.

Человек – не тот, что чесал свою восковую кожу длинными ногтями, а тот, что сказал «не бойся», оказался очень высоким и очень худым немолодым мужчиной, с круглой головой, резко очерченными скулами и высоким лбом. Чем-то он напоминал Юзефу сестру – может, сурово стиснутым в ровную нить запавшим ртом, а может, пронзительными глазами, пристально глядящими из-под широких бровей. Он щурится, как щурится очень близорукий человек, внезапно лишенный очков.

А Каменный Великан оказывается миниатюрным, как женщина, с такими же маленькими руками и ногами, обутыми в хорошие сапоги, ростом не больше тринадцатилетнего Юзефа. Так странно смотрится эта картина – злой, жестокий гном, окруженный сухими, мертвыми, деревьями.

– А теперь в зауну¹⁰. Быстро!.. Данцен!.. – захохотал Каменный Гном. Тут же из рядов выскочили несколько человек, отработанными движениями растолкали заключенных в группы по десять, и колонна двинулась вон из барака.

* * *

«Дни расплетают тряпочку, сотканную Тобю. И она скукоживается на глазах, под рукою. Зеленая нитка следом за голубою становится серой, коричневой, никакой. Уж и краешек виден того батиста. Ни один живописец не напишет конец аллеи...»¹¹ Это он уже выучил – они обе разговаривают. Вслух. Иногда сами с собой. Первое время это доставляло неудобства – Юзефу все казалось, что это они с ним разговаривают. Или со Старшей Собакой – в таком случае он собирал негнущиеся конечности вместе и на деревянных ногах подползал поближе. Во-первых, чтобы быть в курсе, а во-вторых, чтобы этой эффектной скандалистке не доставалось всего внимания. Со временем стало понятно, что этот дом не временный, кажется, именно здесь он и проживет остаток своей странной жизни, поэтому Юзеф начал нащупывать границы и искать правила, но больше пытался придумать свои.

Та, что «Побольше», вслух говорила в основном по делу. Та, что «Поменьше», в основном трещала, как сухой горох на стиральной доске. Чаще всего шепотом непонятными фразами, по ночам с громким стуком колотя пальцами плоский серый предмет с множеством кнопок, похожий на раскрытую книгу.

– Что, грузовичок лупоглазый, испугался?.. – усмехается «Поменьше» и начинает чесать его двумя руками.

Юзеф ворчит, клокочет, булькает, как старый чайник на огне, плюется, чихает. От возмущения такой фривольностью, конечно, но чаще от удовольствия. Пузо чешется, сходят старые корки.

– Ой, ну ладно, не ворчи, а то зенки потеряешь от возмущения, – хихикает она и снова начинает шептать свои странные слова, со скоростью швейной машины избивая дальше плоский серый предмет. Потом оборачивается, пристально смотрит на него и вздыхает:

– Не зря говорят, что вы, мопсы, уникальные собаки, которые от горя чернеют.

⁹ Узник, выполняющий административную работу и осуществляющий надзор за рабочей бригадой.

¹⁰ Комплексное помещение, предназначенное для «дезинфекции» заключенных. Перед входом в зауну в рекреации у людей забирали все носильные и личные вещи, брили волосы, наносили татуировки с номерами и вносили имена в реестр.

¹¹ Иосиф Бродский.

Иногда Юзеф как будто вспоминает, но так неуловимо, что мысль теряется в осколках памяти, растворяется, не успев начаться.

– А вот скажи-ка мне, дружок, – вдруг нарушает она тишину и стрекот, – ты так реагируешь на девочек почему?.. У тебя была семья и в ней была девочка?.. Ты теперь эту девочку ищешь?.. Не планируешь ли ты, случаем, привязать узелок на палочку и пуститься на поиски?.. За высокие горы, за широкие реки, прихрамывая на все четыре ноги и помахивая крючком хвоста?..

Юзеф вздыхает и демонстративно отворачивается. «Знала бы ты».

«Поменьше» хихикает и вдруг с размаха целует его в круглый лоб:

– А мы вот тебя не отпустим. Возьмем и не отпустим.

Иногда ему кажется, что они обе что-то заговаривают, зашептывают и завязывают в узелки.

«Дни расплетают тряпочку...»

* * *

Есть хочется всегда. Каждую минуту.

Лагерную иерархию он выучил очень быстро. Хочешь жить – молчи. Бьют – молчи. Молчи, когда рвут собаки или рвут кого-то другого. Молчи, выполняя самую тяжелую работу. Молчи, переступая через мертвое тело на пороге барака. Молчи, если понос раздражает кишки. Молчи, если болезненный жар сжигает кости. Молчи, если крысы грызут пальцы, а насекомые ввинчиваются в поры, заставляя снимать кожу слой за слоем с себя в чесотке.

Поэтому Юзеф перестал разговаривать вообще.

К концу третьего месяца он уже едва мог таскать ноги, но умереть ему не давали три вещи: знание, что за разделительной полосой женские бараки, и там может быть все еще живая Мирка; где-то там, за красными стенами этого места, уже давно похоронили Броньку, и он просто не может сдохнуть, не увидев ее в последний раз. И ярость. Тупая, тянущая, как больные кишки, красная ярость. И еще – его любили и жалели в бараке. В этом огромном темном месте, от пола до потолка набитом нарами, на каждом из которых спали вдвоем, он был самым младшим. Его жалели, как жалеют случайно найденного младенца.

И еще у него появились друзья. Всего два – молодой, несмотря ни на что веселый Петр, как оказалось, советский лейтенант, и суровый близорукий старик-чахоточник, каждую ночь заходящийся в таком кашле, будто легкие разрывали грудную клетку в попытке вырваться наружу, словно упрямые корни дерева. Тот самый, что сказал ему не бояться.

* * *

Петр был смелым. Барачные доходяги никак не могли понять, почему он все еще жив, – на рожон он лез с тупым упорством, как будто проверяя своих палачей на прочность. Всех – и черные «винкель»¹², и «мертвые головы», и овчарок, и даже легендарное чудовище, коменданта Хесса, который любил лично осматривать «цугангов»¹³.

¹² Знак в форме треугольника, который нашивали на одежду для идентификации причин заключения. Черный «винкель» носили капо, фольксдойче, а также заключенные «антиобщественники». Политических заключенных (включая советских и союзных военнопленных, а также членов польского и французского Сопротивления) обозначали красными треугольниками, уголовников – зелеными, Свидетелей Иеговы лиловыми. Евреям, помимо всего, следовало носить желтый треугольник; в сочетании с винкелем эти два треугольника образовывали шестиконечную звезду Давида.

¹³ Новоприбывшие заключенные.

Сколько раз его приносили в барак полумертвым, но спустя несколько дней, проведенных в бреду, Петр внезапно открывал глаза и, сплевывая длинную кровавую нитку сквозь остатки когда-то белых зубов, держась за стены, выползал наружу, охая, когда сломанные ребра давали о себе знать. Пять минут стоял, жмурясь, глядел на солнце, а потом хрипел:

– Живы будем, не помрем.

Однажды раздобыл где-то сажи и пальцем нарисовал на своем красном «винкеле» профиль усатого мужика с трубкой в зубах. После того как капо прекратили бить его ногами и Петр затаился в липкой кровавой луже, расплескавшейся по брусчатке, его куда-то унесли и он пропал на неделю. Потом его внесли в барак на одеяле, положили на второй ярус, и Юзеф подумал, что ночью, пожалуй, спать нельзя – умрет. Но ночью Петр открыл глаза и запел «Наверх вы, товарищи, все по местам», потом рассмеялся и сказал: «Хрен вам, а не коммуниста, собаки фашистские».

Но страшнее всего было за старика. На самом деле стариком он не был, но приехал в лагерь из варшавского Павяка¹⁴, в котором под пытками старели за несколько дней. Старик был францисканским священником, и священником непростым – настоятелем. В лагерь попал за широкомасштабное сопротивление – на территории монастыря Непорочной Девы¹⁵, основанного стариком, монахи не только прятали большое количество евреев и членов Сопротивления, но и вели радиотрансляции, призывающие людей к борьбе, выпускали огромный тираж газеты, передававшейся подпольем из рук в руки, собирали лекарства, переправляли документы для тех, кому нужно было бежать.

Старика «мертвоголовые» ненавидели люто. Избивали каждый день сапогами и заставляли бегом таскать огромные камни, голыми руками чистить выгребные ямы, топили в ледяной воде, снова избивали и сажали в одиночный стоячий карцер, в котором невозможно даже прислониться к стене и сухожилия лопаются от напряжения.

Но сделать с ним ничего не могли. Старик возвращался в барак и снова занимал свое место у выхода – так он провожал в последний путь молитвой умерших и встречал молитвой каждый новый день.

Однажды Юзеф вернулся и нашел старика за необычной беседой. Поджав ноги хитрым вензелем, рядом со стариком на нижней шконке сидел странный маленький круглолицый человек, вместо глаз у которого были две щелочки. Они говорили на совершенно незнакомом Юзефу, успевшему на слух освоить все лагерные языки, наречии.

Позже старик сказал Петру, что маленький человечек – тоже монах, только из Японии. А старик по Японии скучает – ведь там второй его дом, второй Непоклянув, видевший чудо Божье.

Маленький монах Юзефу понравился – он был так же молчалив и наблюдателен и совершенно, совершенно спокоен. Казалось, что ужас, из которого состоял сам воздух в лагере, черный пепел из труб адской топки, в которой ежедневно исчезали сотни людей, не касался его никак. Как будто вокруг маленького монаха был воздушный пузырь. Его не пугала никакая работа, он не страдал от голода, холода и паразитов, отсутствия воды и страшного запаха. Его били, но он вставал уже через секунду, и на теле его не оставалось синяков.

Наступил душный август 1941 года – один из самых страшных для лагеря месяцев. Юзефа перевели работать в «канаду»¹⁶ – сортировать вещи «ушедших в трубу»¹⁷. Вечером

¹⁴ Ныне не существующая тюрьма раздельного типа (женские и мужские корпуса) на территории Варшавы. Во время оккупации Польши использовалась для предварительного содержания и пересылки заключенных.

¹⁵ Монастырский комплекс Непоклянув, в переводе с польского «Монастырь Непорочной Девы», основанный отцом Максимилианом Марией Кольбе. Находится недалеко от Варшавы.

¹⁶ Склад с вещами убитых. Существовало две «канады»: первая находилась на территории материнского лагеря (Аушвиц I), вторая – в западной части в Биркенау.

¹⁷ Сожженные в крематории.

первого дня его работы барак среди ночи подняли по тревоге – один из заключенных пропал. Всех выгнали на площадь перед бараками. Заместитель коменданта Фришц, холеная сволочь с белыми глазами, шагнул вперед:

– Сейчас, свиньи, я преподнесу вам урок. Десять человек вперед. Сегодня вы умрете. Каждый день, пока не будет пойман беглец, я буду казнить десять человек.

«Мертвоголовые» пошли по рядам, выдергивая людей в середину плаца. Юзеф инстинктивно съежился. Растерянные, дрожащие заключенные, которых вытащили, умоляюще оглядывались через плечо на собратьев. Внезапно один из них заплакал:

– Неужели я больше не увижу жену и детей? Что же теперь с ними будет?

Старик вышел из строя и обратился к Фришцу:

– Господин оберштурмфюрер. Отпустите этого человека. Позвольте мне занять его место.

Фришц усмехнулся:

– Каков ваш номер?..

Старик поднял запястье над головой, словно осеняя плац крестным знамением:

– Номер 16670.

– Ну что ж, номер 16670. Извольте.

Один из «мертвоголовых» швырнул плачущего обратно в толпу, старик шагнул вперед и встал на его место.

Это был последний раз, когда Юзеф видел его живым.

Через два дня Петр заплакал впервые. Он плакал и повторял: «Они все еще живы. Все еще живы». Несмотря на то что само существование какой бы то ни было религии коммунист Петр отрицал категорически и высмеивал старика с его рыцарским служением Непорочной Деве, втайне он им гордился – стойкостью, верой, следованием долгу, спокойной несокрушимой верой в добро, которое, как росток, найдет почву, чтобы пробиться даже в таком месте.

Старик молился и пел, и вместе с ним молились и пели в смертной камере девять человек, один за другим замолкая. Еще через три дня «мертвоголовым» надоело слышать его слабый голос, и лагерный врач вошел в камеру со шприцом¹⁸.

Юзеф прятался за углом здания, на которое выходило узкое окно камеры, обессиленно прижимаясь лбом к кирпичной стене, и сам не смог понять, в какой момент наступила тишина. В какой момент старик замолчал навсегда. Юзеф точно знал, что, если поймают, забьют насмерть, но ему было все равно.

– Хороший был человек, – раздался за плечом тихий голос.

Юзеф обернулся. Маленький круглолицый монах, сдвинув брови почти так же, как это делал старик, не отрываясь, смотрел на зарешеченное окно.

– Хороший был человек. Хорошо переродится, – только сейчас стало очевидно, что речь маленького монаха польская.

И Юзеф, впервые за долгое время, с трудом подбирая слова, заговорил:

– Переродится?..

– Мы верим в то, что человек не уходит навсегда. Любая душа живет так, как прожила предыдущую жизнь. Жил правильно, делал добро – в цепи перерождений достигнет высшего просветления. Жил плохо – будет перерождаться все ниже и ниже, пока не родится грязью. Он был хороший человек. Он уже достиг. А эти люди – нет. Они не родятся даже грязью. Даже камнем. Потому что даже у камня есть душа.

– А я?.. – неожиданно спросил Юзеф.

¹⁸ Смертельная инъекция фенола.

– И ты. Ты хороший человек. Если достойно завершишь свой путь, переродишься собакой. Многие не любят собак, считают их недостойными, но мы – нет. Собака обладает чистой, верной душой. Хорошие люди становятся божьими (так вы говорите?..) собаками.

– А ты?.. – так же неожиданно спросил Юзеф.

– Я – другое. Цель моего существования в другом.

* * *

Сентябрь¹⁹ был теплым.

– Об одном только жалею, – сказал Петр и устало прикрыл глаза. – Что жениться не успел. И что батю не увижу. Один я у него.

Юзеф не жалел ни о чем. Он вспоминал сухой треск преломленного рождественского оплотека, суровые темно-синие глаза под яркими бровями, белоснежное одеяние ксендза, нежный запах воска и ладана, пронзительно-радостный запах апельсина и рыжее облако кудрей.

* * *

Через десять часов двери блока 11 открыли. В помещение хлынул солнечный свет, бескомпромиссный, яркий, торжествующий.

В этом торжествующем свете мертвые, вывернутые мучительной болью голые тела казались огромным полотном. Содранные ногти, искривленные в предсмертной муке рты, остекленевшие глаза, сожженная кожа – всего этого не стало, как будто вместе с солнечным светом в камеру спустился Бог и взял всех своих детей туда, где больше нет ни боли, ни страдания.

Внезапно одно из тел возле открытых дверей зашевелилось.

Маленький круглолицый монах сел и погладил по голове мертвого мальчика.

Потом встал и вышел в солнечный свет.

* * *

Под утро рождественской ночи все засыпают.

Спит та, что постарше, и с кем-то говорит во сне. Спит хозяин. Спит старшая собака между ними, раскинув широкие уши и короткие лапки, смешно подергивая пяточком носа. Спит та, что помладше, закинув ноги на стену.

Мерно тикает будильник на старинном пианино, светящийся в темноте прямоугольник экрана ноутбука разговаривает с тишиной. С черно-белой фотографии смотрит печально и пристально монах-францисканец Максимилиан Мария Кольбе, святой покровитель трудного века.

Забываются коротким сном три короля. Сон их тревожен и радостен одновременно. Юноша Бальтазар бежит вслед за звездным светом, подпрыгивая и взлетая, забывая о сани и благопристойности. Пола богатого одеяния взлетают и опадают вместе с холодным ночным воздухом вслед за гибким телом, браслеты на смуглых запястьях вторят движению затейливой мелодией. Зрелый Мельхиор ведет под уздцы белого верблюда, груженного благочестивыми дарами. Борода Мельхиора умощена драгоценными маслами, выглажена и острижена руками знаменитых брадобреев, но за время пути кудри развились, яркое серебро подернулось инеем белой пустынной пыли. Под левым глазом его, если приглядеться в темноте, видна

¹⁹ 3 сентября 1941 года по приказу Карла Фришца в блоке 11 был проведен первый эксперимент по применению «циклона Б» для массового убийства людей. Этот эксперимент стал прообразом газовой камеры. В результате первого применения «циклона Б» было уничтожено 600 советских военнопленных и 250 польских узников.

крошечная татуировка – синий якорь. Каспар, покачиваясь на спине норовистого скакуна, безотрывно смотрит на горизонт в ожидании силуэта белого глиняного домика и двух деревьев, склонившихся в темноте ночи над ветхой крышей. Пальцы его поглаживают самую драгоценную корону мира, но он думает о том, что лучший дар лежит за пазухой пурпурных одежд, расшитых алмазными брызгами и золотыми драконами, – простая деревянная игрушка ослика, выточенная из дубового корня. У ослика печальные глаза и длинные уши. Просто у Каспара десять внуков, и он точно знает, что детям не интересны никакие драгоценности. Глаза старика слипаются, и он дремлет, уронив подбородок на грудь, чтобы сон стал двойным, тройным, многослойным, вечным. Пока дремлет старший из трех возрастов человека, будущее не наступит. Караван так и будет идти вперед, ведомый звездой, а младенец так и будет тихо спать в яслях. И ничего из того, о чем старик Каспар знает, не случится.

Спит Бронислава Адамовна, спит апельсиновая девочка, спит ксендз Немировский, спят Петр и его батя, сложивший голову под Ржевом.

Маленькая собака Юзеф спит в своем небесно-голубом гнезде, и снится ему, что он Иосиф.

То ли Прекрасный, то ли Мудрый, то ли Аримафейский.

То ли просто мальчик.

Михаил Шахназаров

Дереникс

Неон медленно скользит по заснеженным холмам открыточных пейзажей. Местечко называют польской Швейцарией. Летом все в зелени. Осенью пригорки укрыты багряно-желтым гобеленом. Именно осенью у меня появляется желание купить здесь небольшой домик. Закурив, медленно отпиваю из никелированной фляжки. Роберту это не нравится. Снова не повезло со жребием. Перед каждой поездкой мы подбрасываем монетку. Вне зависимости от того, на чьей машине отправимся в путь. Угадавший ведет авто до Белостока, или, как говорят поляки, – Блястока. Менее удачливый садится за руль по отъезде в Ригу.

В Белостоке расположены холодильники Януша. Гигантские свинные мавзолеи. Латыши давно распродали всех породистых свиней. Через несколько лет принялись закупать мясо в Германии и Польше. Пересекая границу Латвии, туши глубокой заморозки тут же становились контрабандой в особо крупных размерах.

Фуры выйдут из Польши через пять дней. А через шесть часов наступит Новый год. Я еще раз поднес к губам узкое горлышко фляги. Роберт увеличил скорость. Нервничает... Хороший знак. Роберт становится менее разговорчивым. А для меня настоящее счастье не слышать голос Роберта. Как для него – не слышать мой голос. Он считает меня позором нации. Не знаю язык, игнорирую хаш. И не развожусь, чтобы жениться на армянской девушке. Хотя сам Роберт взял в жены девушку из белорусской деревни. И он не устает повторять, как хорошо она знает свое место в доме. Роберт тоже из деревенских. А говорит, что коренной ереванец. На этих словах буква «р» в его исполнении сильно тарахтит. Сильнее, чем у говорящих попугаев.

С Робертом меня познакомили. Сказали: есть земляк с отлаженным бизнесом. Земляку не хватало оборотных средств и надежного прикрытия. У меня были деньги, два на корню продавшихся мента в чине. А еще – полное отсутствие желания платить налоги. Но то, что наш союз с Робертом не будет долгим, стало ясно при первой встрече. Глубокие погружения мизинца в волосатые ноздри заставили морщиться. А уверения в том, что настоящую любовь я познаю благодаря гродненским проституткам, которыми кишит Белосток (он так и сказал – «кишит»), окончательно убедили меня в нежелании Роберта хотя бы казаться чуточку интеллигентнее. Но мы ударили по рукам и налоговой системе республики.

Когда до польско-литовской границы оставались считанные километры, фары выхватили силуэт автоматчика. Он стоял рядом с небольшим автобусом. Взмах светящегося жезла заставил Роберта билингвально матернуться:

– Кунем ворот! Это еще что за мудозвон?

– Польский Дед Мороз. Гжегож Пшебздецки, тля! Ждет тебя со свинцовыми фляками.

Боковое стекло медленно сползло вниз. Отдав честь, польский воин наклонился. Обшарив глазами салон, выпалил:

– Гасница ест, пан?

– Была, – отвечаю. – В Блястоке. Гасница «Кристалл». Вернее, это... отель «Кристалл».

– Нье, пан. Гасница, гасница! – повысил голос военный.

– Да я-то понял, что гасница. Не видите, пан, домой едем. А гасница осталась в Блястоке.

Сзади гасница «Кристалл» осталась, – указал я ладонью за спину.

– Нье, пан! Гас-ни-ца, – произнес поляк по слогам.

– Do you speak English?

Выучить английский натовец не успел.

– А по-моему, он огнетушитель просит. Но у меня его нет, – полушепотом проговорил Роберт.

– Да я и без тебя понял, что огнетушитель. Ну нет и нет. Сейчас этот славянский рейнджер отведет тебя в лесные чащобы и расстреляет, на хер. За несоблюдение правил пожарной безопасности в польских лесах.

Мой нетрезвый смех окончательно вывел Роберта из себя. Назвав меня идиотом, он плюнул. Забыл, что не на улице. Слюна потекла по сердцевине руля, украшенной известной эмблемой. Потомок жертв Сусанина предложил Роберту выйти из машины и препроводил к автобусу. Вернулся мой компаньон минут через десять.

– Сколько? – спрашиваю.

– Сто баксов. Суки...

– Краковьяк-то хоть станцевали?

– Хватит умничать! – заорал Роберт. – Меня дочь дома ждет!

– И жена Оля. Грозная и непредсказуемая жена Оля... И орать ты будешь на нее, а не на меня!

Мою жену тоже зовут Оля. Большие глаза, пшеничные волосы, такие же мозги. Как и у меня. Человек в здравом уме не позволит себе такого брака. Анна назвала Ольгу дворняжкой, сказала это, когда я вставал с постели. Конечно же, пришлось Анну осадить, но она права... А я всегда жалел и подкармливал дворняжек. Псины отвечали радостным поскуливанием, виляя хвостами. С людьми не так.

Поляков мы прошли споро. Я протянул служивому флягу, провоцировал выпить за Новый год и процветание Речи Посполитой. Он с улыбкой отказался, пожелав счастливой дороги. Машина плавно тронулась к литовскому КПП. Взяв у Роберта документы, я направился к небольшой будке.

Внутри сидел тучный пунцовый мужчина. Страж границы напоминал борова, втиснутого в матерчатый домик для кошек. На левой груди пузана висела табличка с фамилией Козлявичюс. Жизнь сталкивала меня с тремя людьми, носящими фамилию Козлов. Не считая знатока из телевизора. Все трое заслуживали туннеля скотобойни.

Медленно листая мой паспорт, таможенник изрек:

– Ну вот и приплыли, господин Аракелов.

Не сказать что я испугался. Скорее, расстроился. У меня отберут модное кашне, тугой ремень и шнурки от новых итальянских ботинок. В КПП не нальют. Там даже нет радиоточки, по которой можно прослушать звон бокалов. Да и Оля пахнет приятнее, чем клопы.

– В смысле – «приплыли», господин Козлявичюс?

– Как приплывают, так и приплыли, – неприятно усмехнулся литовец с русскими корнями.

– Ну приплыли так приплыли. И за что, если не секрет?

– Не за что, а куда. В Литву приплыли, господин Аракелов! В Литву! Шуток не понимаете?

Вот сука, думаю. Я бы тебе приплыл. Доху на твою хрячью тушу натянуть да в полыню с морозостойкими пираньями бросить.

– Хорошие у вас шутки, господин Козлявичюс. Небось в Советской армии прапорщиком послужить успели?

Мне не стоило произносить этой фразы. Разве что про себя. И виски здесь ни при чем. Это несдержанность и врожденная тяга к конфликтным ситуациям... Козлявичюс надул и без того пухлые щеки. Ничего не ответив, принялся за паспорт Роберта. Меня так и подмывало сказать: «Сейчас вы одновременно похожи на козла и бурундука. Причем беременного».

– А где Дереникс, господин Аракелов? – ожил таможенник.

– Огнетушитель, что ли?

– Какой огнетушитель? – процедил Козлявичюс.

– Неподалеку отсюда нас остановили поляки. Гасницу спрашивали. Гасница по-польски – огнетушитель. Может, дереникс – это огнетушитель по-литовски?

– Хм... Странно, Аракелов. Очень странно... Здесь русским языком написано: Дереникс Вартанянс, – он развернул ко мне паспорт Роберта.

Написано было, конечно же, не по-русски, а по-латышски. Но написано именно то, о чем говорил Козлявичюс.

Метнувшись к авто, рванул дверцу:

– Роберт, ты что, тля, Дереникс?

– А че? Не знал, что ли? Только не Дереникс и не тля. А Дереник. Я же тебя Артемс не называю.

– Баран, – просипел я.

– Дереник, а не баран. А баран это ты.

Цепочка «гасница – Козлявичюс – Дереникс» приобрела очертания дурного знака. Я подбежал к будке:

– Господин Козлявичюс! А вон Дереникс! Вон, гляньте! Лицо вам свое с удовольствием показывает.

К лобовому стеклу вытянулась огромная голова Роберта. Из-под черных густых усов проглядывала улыбка.

– На Сталина похож, – бросив взгляд в сторону машины, проговорил Козлявичюс. – Сталин бабку мою в Сибирь выслал. За мешок картошки выслал мою бабушку Аудроню в Сибирь. Там она и померла. Деда они раньше в расход пустили. Сволочи...

– Да не то слово, – поддакнул я. – Просто негодяи без чести и совести. Но Дереник – он добрый. Тот случай, когда внешность обманчива. Его даже собака и теща больше, чем жена, любят.

– Может быть, может быть... Но странно все как-то получается. Шутка моя вас напрягла. Прапорщиком «красным» обозвали. Едете в одной машине и не знаете, как земляка зовут. Тот вообще на тирана похож, который мою бабку Аудроню в Сибирь выслал. Какие-то вы, ребята, левые.

Ну, то, что мы ребята далеко не правые, ясно было и без резюме Козлявичюса. Может, поэтому все мои оправдания выглядели по-детски. Я говорил, что мы честные латышские армяне, и нам не терпится положить под елку подарки, которых так ждут наши плачущие дети. Что в баскетболе для меня не существует другой команды, кроме «Жальгириса», а «золотой» состав клуба я помню до сих пор наизусть. Даже уверения в знании истории рода Гедиминовичей не смогли убедить Козлявичюса изменить решение. А решение говорило о том, что Новый год нам дома справлять не придется.

– Повторяю: машину – на тщательный досмотр, господин Аракелов.

– То есть?... То есть здравствуй жопа Новый год, господин Козлявичюс, – сказал я, достав фляжку. Терять было нечего.

Мне стало жалко Дереникса – Роберта. «Мерседес» надежен, крепок, как автомат Калашникова. Но автомат может собрать и разобрать даже хорошо выдрессированный примат. А проделать эту операцию с «мерседесом» по силам только немецким специалистам. Во всяком случае, без нанесения ущерба автомобилю...

Известие о внеплановом техосмотре с последствиями придавило Дереникса к рулевой колонке. Меня предательски покидал хмель. Пока мой компаньон отгонял машину в специальный бокс, я успел сходить в магазин duty free. В пакете булькали две бутылки виски, литровая «кола» и коробка шоколадных трюфелей. Кушать мне в этот вечер хотелось только виски.

После визита в бокс Дереникс выглядел еще подавленной. Сразу попросил выпить. После трех больших глотков, сделанных из бутылки, направился в сторону будки с Козлявичюсом.

Он клялся мамой, что всего этого так не оставит. Указывая на меня, грозился, что я подключу «каунасских» и «вильнюсских». В эти мгновения подумалось, что он такой же идиот, как живой шлагбаум в виде Козлявичюса. В финале сцены Дереникс поклялся могилой дедушки, что Козлявичюса найдут и силком превратят в гомосексуалиста. Пришлось вмешаться. Извинившись, я оттащил дебошира в сторонку:

– Дереникс, прекрати буяннить. Будь романтиком. Новый год на государственной границе братской республики! Всю жизнь помнить будем. Прекрати, Дереникс!

– Черт, прекрати называть меня Дерениксом! Меня под елкой любимая дочь ждет!

– Под елкой? Дочь? Дочь под елкой?.. Я тебе больше не дам виски, Дереникс. Тем более из горла.

В кармане заботливого отца заверещал мобильный. Сначала Дереникс говорил с дочерью. Объяснял, каким тяжелым выдался вояж папы-контрабандиста. Рассказывал, как папа устал и поэтому приедет с подарками только завтра. Что девочка передала трубку Оле – я понял по мимике Дереникса. Несколько раз он повторял слова «проблемы» и «сюрприз». Но Ольга не спешила сочувствовать проблемам и была равнодушна к сюрпризу.

– Вот сучка! Я ей правду говорю, а она талдычит, что мы по проституткам с тобой гуляем.

– Да я слышал.

– Что ты слышал?

– Слышал, как она тебя колченогим чудовищем обозвала, – я начал хохотать. – И, судя по всему, с места, которое она так хорошо знает.

Звонок от моей супруги раздался, когда мы сидели в небольшом кафе при терминале. Почти все столики были заняты дальнобойщиками. В зале громко играла музыка. То и дело раздавался смех. Я вышел на улицу. Пляски снежинок под матерные тирады Ольги смотрелись убого. Она кипела от злости: в магазинах Белостока не оказалось плаща белой кожи. Лучшая реакция – молчание. И я молчал. Оля продолжала орать:

– А теперь слушай! Я стою на подоконнике. Ты слышишь меня? Я стою на подоконнике, и меня уже ничто не остановит. Ты слышишь, ублюдок?

– Слышу, конечно. Слышу и жду.

– Ну! Ну скажи, скажи! Чего ты ждешь, подонок?

– Жду, когда ты об асфальт наконец треснешься.

КПЗ удалось избежать. Чокаться под бой курантов с Ольгой не придется. Дереникс в состоянии алкогольного грогги обычно спит. То есть и вправду романтика. Романтика свободы.

Когда я предавался этим мыслям, из будки вышел Козлявичюс. Мне захотелось его поздравить.

– Господин Козлявичюс! – закричал я. – Желаю, чтобы в наступающем году люди стали честнее! А еще – чтобы через этот КПП не прошло ни одного контрабандного груза!

Такие слова, адресованные таможеннику, сродни пожеланию тотального безденежья. Козлявичюс остановился. Улыбнувшись, покрутил у виска пальцем:

– И тебе того же, честный латышский армянин!

Пока я общался с Олей и поздравлял Козлявичюса, Дереникс успел познакомиться с пьяным водителем грузовика.

– Наш земляк, – представил он знакомого.

– Тоже латышский армянин? – спрашиваю.

– Нет. Латышский латыш. Висвалдисом зовут. Висвалдис, а это Артем.

Мы пожали руки, выпили за знакомство.

– Ну че? Оля опять грозит вены перерезать? – с ухмылкой поинтересовался Дереникс.

– Она поняла, что это звучит неубедительно. Оля штурмует подоконник. И лучше переключиться на другую тему.

Висвалдис предложил выпить за добрый путь и ровный асфальт. Делал губами пузыри и читал стихи Райниса. Есенина я читать не стал. Чувствовал – не оценят. Дереникс подмигивал полной барменше. У окна шел турнир по армрестлингу. Было слышно, как принимаются ставки. В зале появился Козлявичюс. Жестом пригласил меня на выход. Уловить запах спиртного я был уже не в состоянии. Но мне показалось, что глаза литовца блеснули.

– Слушай, Аракелов. Я тут посоветовался со сменщиком. В общем, хочешь Новый год дома встретить?

– Не сказать что горю желанием, но в принципе можно.

– Вот и хорошо. Ты ж понимаешь, Аракелов, что если «мерсик» сейчас по всем правилам разберут, то его уже и на конвейере в Германии как надо собрать не смогут.

– Конечно, понимаю. У знакомого ваши латвийские коллеги новый «мицубиши» разобрали. Он его потом казахам продал. До сих пор благодарит Господа, что казахи не мстительные и не злопамятные.

– Ну вот видишь. Ты сообразительный. Штука баксов – и все невзгоды останутся в уходящем году.

– Издеваетесь, господин Козлявичюс? Дереникс уже с каким-то пьяным водителем грузовика братается. Я по пьяни гонять люблю. А мне всю ночь цыгане, танцующие на черномыльском саркофаге, снились. Два трупа на вашей совести будут. Не могли раньше предложить, пока Дереникс трезвым был?

– И так тебе плохо, честный латышский армянин, и так плохо. Сам не знаешь, чего хочешь.

Садиться за руль не хотелось. Дорога скользкая. На машине с таким движком ехать медленно – просто грех. Вспомнив считанные метры, которые не дали мне влететь под фуру на скорости в сто шестьдесят, от идеи порулить я отказался.

– А у вас же эвакуатор должен быть, – говорю.

Мы сторговались в небольшой комнатенке. Добрая воля Козлявичюса обошлась в семьсот долларов. Водитель эвакуатора Редас согласился домчать до Риги за четыреста баксов. Я разместился в кабине. Попивая виски, закусывал трюфелями. За спиной раскачивался «мерседес» со спящим Дерениксом. Когда до наступления Нового года оставался час с небольшим, мы пересекли границу Риги. Созвонившись с друзьями, попросил Редаса высадить меня в центре. Я брел по пустынным улицам и с улыбкой смотрел на горящие в окнах свечи...

Мы славно справили Новый год. Через два дня я появился дома. В красивом пакете лежал белый кожаный плащ. Ольге он не понравился. А я и не расстроился. Просто знал, что и Ольга, и плащ, и Дереникс – все это осталось в прошлом.

Улья Нова

Кто твой ангел?

Маленькая часовенка была закрыта. Анечка несколько раз подергала железную ручку черной двери: «Заперли, опоздала». Ни тебе Рождества, ни свечки, ни шоколадных с позолотой икон, ни баса батюшки. Черная запертая дверь, снежок, темные окошки. Рождество случилось.

Анечка заспешила домой. Но метро тоже уже закрылось, пришлось ловить попутку. Она долго стояла на обочине. Мимо проносились машины. После каждой проехавшей становилось холоднее. И город окутывала ночная зимняя грусть. Наконец притормозила «копейка», а подробнее их Анечка не различала. В салоне было темно и сильно накурено. Водитель в мятой кожаной кепке, похожей на чайный гриб, прохрипел, что в честь Рождества денег не возьмет. Так уж и быть, довезет, не обидит. Так он сегодня решил. Машина, а в ней Анечка полетели по заснеженным пустынным улицам. Было странно, но Анечка не возражала.

Усталая от того, что в последнее время постоянно приходилось куда-то спешить и все равно не успевать вовремя, что люди вокруг требовали внимания и жалости, что жить почему-то становилось все тяжелее, Анечка нахохлилась в гнездышке меховой шубки и совсем скоро заснула. Машина продолжала скользить по темному городу. Повсюду мерцали гирлянды, звездочки, разноцветные новогодние лампочки и неоновые снежинки.

* * *

Когда-то Анечке хотелось верить в ангела. В те времена ангелов в ее жизни не было, а намеренный поиск приводил к неприятностям. Анечка пыталась выяснить у разных знакомых, какое должно возникнуть чувство, когда ты впервые встречаешь своего ангела на улице или когда ангел укрывает тебя крыльями от беды. Ей очень хотелось знать, что происходит, когда ангел неслышно пролетает под потолком комнаты, освещая своим теплым сиянием темные уголки и, вдохнув сон, ускользает в форточку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.